

На правах рукописи

Мирхаев Рифат Фирдинатович

**СОЦИАЛЬНАЯ ПРИРОДА
ФУНКЦИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ**

10.02.02 – Языки народов Российской Федерации
(татарский язык)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Казань – 2022

Работа выполнена в отделе общей лингвистики обособленного структурного подразделения государственного научного бюджетного учреждения «Академия наук Республики Татарстан» «Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан».

Научный консультант: **Юсупов Феритс Юсупович,**
доктор филологических наук, профессор

Официальные оппоненты: **Камаева Рима Бизяновна,**
доктор филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой татарской филологии
Елабужского института (филиала)
ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский)
федеральный университет»

Каксин Андрей Данилович,
доктор филологических наук, ведущий
научный сотрудник Научно-исследовательского
института гуманитарных исследований и саяно-
алтайской тюркологии ФГБОУ ВО «Хакасский
государственный университет им. Н.Ф. Катанова»

Кондратьева Наталья Владимировна,
доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры общего и финно-угорского
языкознания Института удмуртской филологии,
финно-угроведения и журналистики ФГБОУ ВО
«Удмуртский государственный университет»

Ведущая организация: Институт гуманитарных исследований –
филиал ФГБНУ «Федеральный научный центр
«Кабардино-Балкарский научный центр РАН»

Защита диссертации состоится «6» октября 2022 г. в 14.00 часов на заседании диссертационного совета Д 022.006.02 при ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан» по адресу: 420111, г. Казань, ул. Баумана, 20.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Академии наук Республики Татарстан по адресу: 420111, г. Казань, ул. Баумана, 20. Электронная версия автореферата размещена на официальном сайте ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан» (<http://www.antat.ru>) и на официальном сайте Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования РФ (<http://vak.minobrnauki.gov.ru>).

Автореферат разослан « ____ » _____ 2022 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат филологических наук,
доцент

М.И. Ибрагимов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. В условиях современной действительности, когда национальные языки все больше подвержены влиянию социокультурных факторов, связанных с глобализационными процессами, перед мировым сообществом остро стоит вопрос сохранения того уникального языкового многообразия, которое человечество унаследовало от предыдущих поколений. По мнению специалистов, если в ближайшем будущем не будут приняты действенные меры, к середине нынешнего столетия из употребления выйдет почти половина существующих на сегодняшний день языков. Большинство языков вымирают по причине контактирования их носителей с другими языками, находящимися в более сильных позициях в плане их функционального развития. Поэтому переход в разряд мертвых языков в первую очередь грозит ограниченным в своем использовании языкам малых этнических групп и народов. В определенной степени данная проблема актуальна и для татарского языка.

В свете данных обстоятельств в рамках современной лингвистики неоспоримую актуальность приобретают исследования, направленные на выявление социальных механизмов поддержания и развития функциональной мощности, подверженных угрозе исчезновения языков. И здесь достижению необходимых результатов может способствовать обращение к историческим периодам, в которые тот или иной язык достиг наивысшей точки своей эволюции в указанном аспекте. Для татарского языка таковым является вторая половина XIX – начало XX вв. В историческом плане именно этот хронологический промежуток считается самым эффективным в плане его развития, что проявилось в расширении как сред и сфер функционирования, так и лексико-семантической и грамматической структур.

Одним из показателей развитости языка в функциональном плане является наличие его различных модификаций, посредством которых обслуживаются коммуникативные потребности общества в определенных сферах жизнедеятельности. И исследование видов языковой дифференциации, социальная маркированность которых уже давно не подвергается сомнению, является одним из важных направлений лингвистической науки, поскольку дает возможность как описать современное состояние языка, так и реконструировать его на более ранних этапах.

В сущности, за исключением отдельных случаев, всякий язык не является в полной мере гомогенной структурой, а представляет собой совокупность взаимосвязанных функциональных подсистем, статус которых определяется характером языковой ситуации. При этом выделяются первичная и вторичная ступени языковой дифференциации. Если первая включает в себя членение языка на такие страты, как литературная, народно-разговорные (территориальные и социальные диалекты, койне, общенародно-разговорный идиом) и просторечная, то вторая подразумевает его дифференциацию в рамках указанных подразделений на функционально-стилистические, территориальные (пространственные), временные (хронологические) подсистемы. В татарском языкознании

исследование различных разновидностей татарского языка имеет давнюю традицию, которая своими корнями уходит в середину XIX в. На ее основе выросла целая научная школа, в трудах представителей которой в подробностях изучены лексические, фонетические и грамматические особенности как литературной, так и разговорных форм существования татарского языка, в частности его диалектов. Как показывает анализ научных трудов, исследования в области татарского литературного языка в основной своей массе выполнены в диахроническом аспекте и направлены на реконструкцию его письменных норм и традиций. Работы же татарских диалектологов, за исключением отдельно взятых исследований, в целом нацелены на изучение современного состояния лексического состава, фонетической системы и грамматической структуры региональных разновидностей татарского языка, а история становления и развития его разговорных форм ждет своего дальнейшего изучения.

В диахронической социалингвистике в качестве основной структуры, которая «детерминирует функционирование и развитие своего языка, социализирует, присваивает либо отвергает те или иные варианты языковой техники»¹, выделяют социалему, т.е. языковой коллектив. В историческом плане именно общественно значимая деятельность представителей отдельно взятых социальных слоев, групп и сообществ накладывает свой отпечаток на внешнюю и внутреннюю структуру языка, пробуждая тем самым механизмы его развития.

В свете сказанного выше несомненную значимость обретает изучение характера языковой ситуации, сложившейся в татарском обществе во второй половине XIX – начале XX вв., структур социально-речевых портретов его основных корпоративных групп, а именно их стратификационно-ситуативных параметров, а также степени и характера воздействия, которое в указанный период социокультурные факторы оказали на татарский язык, чем и определяется **актуальность** темы настоящей диссертационной работы.

Степень разработанности темы. Научно-теоретические основы изучения вопросов, связанных с исследованием соотношения различных языков, форм их существования и функциональных разновидностей в рамках определенных географических ареалов, политических объединений и социокультурных сообществ, в настоящее время разработаны и развиты в трудах У. Лабова², Ч. Фергюсона³, Дж.А. Фишмана⁴, В.А. Аврорина⁵,

¹ Диахроническая социалингвистика / [В.М. Алпатов, А.Н. Баскаков, Г.К. Бенедиктов и др.; отв. ред. В.К. Журавлев]. – М.: Наука, 1993. – С. 6.

² Labov W. The social stratification of English in New York City / W. Labov. – Washington: Center for applied linguistics, 1966. – 655 p.

³ Ferguson Charles A. Language Structure and Language use / Essays by Charles A. Ferguson; selected and introd. by Anwar S. Dil. – Stanford: Stanford University Press, 1971. – 327 p.

⁴ Fishman J.A. The Sociology of Language: An Interdisciplinary Social Science Approach to Language in Society / J.A. Fishman. – Rowley: Newbury House Publishers, 1972. – 250 p.

⁵ Аврорин В.А. Проблемы изучения функциональной стороны языка: (К вопросу о предмете социалингвистики) / В.А. Аврорин. – Л.: Наука, 1975. – 276 с.

Л.Б. Никольского⁶, А.Д. Швейцера⁷ и др. Кроме того, отдельные проблемы теории языковой ситуации, касающиеся взаимодействия литературных и разговорных идиомов, затрагиваются в исследованиях по теории и истории литературных языков. Здесь следует отметить работы Л.В. Щербы⁸, В.В. Виноградова⁹, А.Н. Кононова¹⁰, Г.Ф. Благовой¹¹, Э.Н. Наджипа¹², Э.Р. Тенишева¹³, А.И. Горшкова¹⁴, М.М. Гухман¹⁵, Б.А. Успенского¹⁶ и др.

В татарском языкознании характер языковых ситуаций, которые складывались в различные периоды в татарском обществе, в общих чертах раскрывается в исследованиях, посвященных изучению языковых особенностей старотатарских письменных текстов различных жанров, а также истории развития письменных литературных норм татарского языка. Здесь первыми образцами данного рода работ по праву считаются труды таких тюркологов, как М. Иванов, С. Кукляшев, Н.Ф. Катанов и Н.И. Ашмарин. В 20–30-е гг. XX в. социальные аспекты развития татарского литературного языка в своих сочинениях освещают Г. Ибрагимов, Дж. Валиди, Х. Бадиги, Г. Толымбайский. Далее отдельные вопросы теории

⁶ Никольский Л.Б. Синхронная социоллингвистика: теория и проблемы / Л.Б. Никольский. – М.: Наука, 1976. – 166 с.

⁷ Швейцер А.Д. К проблеме социальной дифференциации языка / А.Д. Швейцер // Вопросы языкознания. – 1982. – № 5. – С. 39–48.

⁸ Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку / Л.В. Щерба. – М.: Учпедгиз, 1957. – 188 с.

⁹ Виноградов В.В. Проблемы литературных языков и закономерностей их образования и развития / В.В. Виноградов. – М.: Наука, 1967. – 134 с.; Его же. История русского литературного языка / В.В. Виноградов. – М.: Наука, 1978. – 320 с.

¹⁰ Кононов А.Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII–IX вв. / А.Н. Кононов. – Л.: Наука, 1980. – 243 с.

¹¹ Благова Г.Ф. О соотношениях прозаического и поэтического вариантов среднеазиатско-тюркского литературно-письменного языка XV – начала XVI в. (К постановке вопроса) / Г.Ф. Благова // *Turcologica*. К семидесятилетию академика А.Н. Кононова. – Л.: Наука, 1976. – С. 27–36; Благова Г.Ф. О языковой ситуации в Тимуридском Мавераннахре (рубеж XV–XVI вв.) / Г.Ф. Благова // Тюркологический сборник – 1986. – М.: Наука, 1986. – С. 42–52.

¹² Наджип Э.Н. Тюркоязычный памятник XIV века «Гулистан» Сейфа Сарай и его язык: в 2 ч. / Э.Н. Наджип. – Алма-Ата: Наука, 1975. – Ч. 1. – 210 с.; Ч. 2. – 301 с.; Его же. О языке памятника начала XIII века «Кысса-и Юсуф» Али / Э.Н. Наджип // Советская тюркология. – 1976. – № 2. – С. 74–88.

¹³ Тенишев Э.Р. Языки древне- и среднетюркских памятников в функциональном аспекте / Э.Р. Тенишев // Вопросы языкознания. – 1979. – № 2. – С. 80–90; Его же. О языке поэмы «Кысса-и Юсуф» Кул Гали / Э.Р. Тенишев // *Turcologica* 1986. К восьмидесятилетию академика А.Н. Кононова / [отв. ред. С.Г. Кляшторный и др.]. – Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1986. – С. 268–276.

¹⁴ Горшков А.И. Теоретические основы истории русского литературного языка / А.И. Горшков. – М.: Наука, 1983. – 160 с.

¹⁵ Гухман М.М. История немецкого литературного языка IX–XV вв. / М.М. Гухман, Н.Н. Семенюк. – М.: Наука, 1983. – 200 с.

¹⁶ Успенский Б.А. История русского литературного языка (XI–XVII вв.) / Б.А. Успенский. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2002. – 559 с.

языковой ситуации в контексте истории развития татарского языка, а именно взаимодействия письменной разновидности его литературного идиoma и разговорных форм, разрабатываются в исследованиях М.З. Закиева¹⁷, В.Х. Хакова¹⁸, Ф.С. Хакимзянова¹⁹, Ф.М. Хисамовой²⁰, И.Б. Башировой²¹ и др.

Кроме того, исследованию социолингвистических проблем функционирования татарского языка в условиях сложившегося в конце XX в. в Республике Татарстан татарско-русского двуязычия посвящены работы З.А. Исхаковой²², Л.К. Байрамовой²³, Ф.К. Сагдеевой²⁴, Н.Х. Шарыповой²⁵ и др.

Далее вопросы соотношения литературного и диалектного идиом татарского языка, которые также входят в круг проблем теории языковой ситуации, затрагиваются в трудах Л.З. Заляя²⁶, Л.Т. Махмутовой²⁷, Н.Б. Бургановой²⁸,

¹⁷ Закиев М.З. Введение: койне, традиционные нормы, старотатарский и современный татарский литературные языки / М.З. Закиев // Истоки татарского литературного языка / [сост. Х.Р. Курбагов]. – Казань: ИЯЛИ, 1988. – С. 3–9.

¹⁸ Хаков В.Х. Татар милли әдәби теленең барлыкка килүе һәм үсеше / В.Х. Хаков. – Казан: Казан университеты нәшр., 1972. – 224 б.; Его же. Татар әдәби теле тарихы / В.Х. Хаков. – Казан: КДУ нәшр., 1993. – 325 б.

¹⁹ Хакимзянов Ф.С. Язык эпитафий волжских булгар / Ф.С. Хакимзянов. – М.: Наука, 1978. – 206 с.; Его же. Эпиграфические памятники Волжской Булгарии и их язык / Ф.С. Хакимзянов. – М.: Наука, 1987. – 191 с.

²⁰ Хисамова Ф.М. Татарский язык в восточной дипломатии России (XVI – начало XIX в.) / Ф.М. Хисамова. – Казань: Мастер Лайн, 1999. – 408 с.

²¹ Баширова И.Б. XIX гасыр ахыры – XX йөз башы татар әдәби теле: жанр-стильләре, аерым грамматик категорияләрдә норма һәм вариантлылык / И.Б. Баширова. – Казан: ТӘНСИ, 2008. – 340 б.

²² Исхакова З.А. Татарско-русское городское двуязычие в Татарстане в 1980–90-е годы: дис. ... канд. филол. наук / З.А. Исхакова. – Казань, 1999. – 192 с.

²³ Байрамова Л.К. Татарстан: языковая симметрия и асимметрия / Л.К. Байрамова. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. – 267 с.

²⁴ Сагдеева Ф.К. Проблемы культуры татарской речи в условиях активного двуязычия: дис. ... канд. филол. наук / Ф.К. Сагдеева. – Казань, 2001. – 190 с.

²⁵ Шарыпова Н.Х. Двуязычие в Татарстане: дис. ... д-ра филол. наук / Н.Х. Шарыпова. – Казань, 2004. – 373 с.

²⁶ Жәләй Л. Татар диалектологиясе / Л. Жәләй. – Казан: Татгосиздат, 1947. – 131 б.; Его же. Средний диалект татарского языка: автореф. ... дис. д-ра филол. наук / Л.З. Заляй. – Казань, 1954. – 26 с.

²⁷ Махмутова Л.Т. Особенности касимовского говора татарского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л.Т. Махмутова. – Л., 1952. – 10 с.; Ее же. Опыт исследования тюркских диалектов: Мишарский диалект татарского языка / Л.Т. Махмутова. – М.: Наука, 1978. – 271 с.

²⁸ Бурганова Н.Б. Языковые особенности каринских и глазовских татар: автореф. ... дис. канд. филол. наук / Н.Б. Бурганова. – Казань, 1953. – 16 с.; Ее же. Система глагола поэмы Мухамедьяра «Төхфәи Мәрдан» (XVI в.) / Н.Б. Бурганова // Исследование языка древнеписьменных памятников / [отв. ред. Ф.С. Хакимзянов]. – Казань, 1980. – С. 66–96; Ее же. О формировании татарских говоров Заказанья / Н.Б. Бурганова // К формированию языка татар Поволжья и Приуралья / [редкол.: Ф.С. Хакимзянов (отв. ред.), Ш.Н. Асылгараев]. – Казань, 1985. – С. 3–31.

Д.Г. Тумашевой²⁹, Г.Х. Ахатова³⁰, Д.Б. Рамазановой³¹, Ф.Ю. Юсупова³², Ф.С. Баязитовой³³ и др.

Проблемы, относящиеся к теории социально-речевого портрета общества, а именно связанные с изучением соотношения в его структуре страдательной и ситуативной разновидностей языковой вариативности, форм существования языка, а также различных языков; с исследованием социальных условий реализации речевой практики той или иной группы, ее соотношенности с коммуникативными сферами; с моделированием социально-речевого портрета языковой личности, выступающего в качестве обобщенного представителя того или иного сообщества, раскрыты в работах Б.А. Ларина³⁴, Й.Л. Вейсгербера³⁵, П. Фридриха³⁶, В.В. Виноградова³⁷,

²⁹ Тумашева Д.Г. К вопросу о соотношении языка и диалекта / Д.Г. Тумашева // Вопросы тюркологии. – Казань, 1970. – С. 45–55; Тумашева Д.Г. Язык сибирских татар / Д.Г. Тумашева. – Казань: Изд-во КГУ, 1977. – 294 с.

³⁰ Ахатов Г.Х. Диалект западносибирских татар / Г.Х. Ахатов. – Уфа: Изд-во БГУ, 1963. – 195 с.; Его же. Татарская диалектология. Средний диалект: Учеб. пособие / Г.Х. Ахатов. – Уфа: Изд-во БГУ, 1979. – 80 с.; Его же. Мишарский диалект татарского языка: Учеб. пособие / Г.Х. Ахатов. – Уфа: Изд-во БГУ, 1980. – 82 с.

³¹ Рамазанова Д.Б. Формирование татарских говоров юго-западной Башкирии / Д.Б. Рамазанова. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1984. – 191 с.; Ее же. К истории формирования говора пермских татар / Д.Б. Рамазанова. – Казань: ИЯЛИ, 1996. – 239 с.; Ее же. Историко-лингвистические особенности формирования и функционирования западноприуральского ареала татарского языка: дис. в виде научн. докл. ... д-ра филол. наук / Д.Б. Рамазанова. – Казань, 1998. – 100 с.

³² Юсупов Ф.Ю. Татарские говоры Южного Урала и Зауралья (Челябинской и Курганской областей): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ф.Ю. Юсупов. – Казань, 1972. – 42 с.; Его же. Татарский глагол в ареальном освещении: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Ф.Ю. Юсупов. – М., 1988. – 36 с.; Его же. Татар теленең диалектлары: Урал сөйләшләре / Ф.Ю. Юсупов. – Казан: Мәгариф, 2003. – 351 б.; Его же. Морфология татарского диалектного языка: категории глагола / Ф.Ю. Юсупов. – Казань: Фэн, 2004. – 592 с.

³³ Баязитова Ф.С. Татарские говоры Нижнего Прикамья: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ф.С. Баязитова. – Казань, 1973. – 29 с.; Ее же. К истории формирования говоров крещеных татар / Ф.С. Баязитова // Исследования по исторической диалектологии татарского языка. – Казань: Ин-т яз., лит. и истории КФАН СССР, 1979. – С. 105–138; Ее же. Этнолингвистические исследования по говорам крещеных татар: дис. в виде научн. докл. ... д-ра филол. наук / Ф.С. Баязитова. – Казань, 1998. – 100 с.

³⁴ Ларин Б.А. О лингвистическом изучении города / Б.А. Ларин // Русская речь. Вып. 3 / [под ред. Л.В. Щербы]. – Л.: Academia, 1928. – С. 61–74; Его же. К лингвистической характеристике города. Несколько предпосылок / Б.А. Ларин // Известия Ленинградского государственного педагогического института им. А.И. Герцена. Вып. 1. – Л.: Ленингр. гос. педагогич. ин-т им. А.И. Герцена, 1928. – С. 175–185.

³⁵ Weisgerber J.L. Muttersprache und Geistesbildung / J.L. Weisgerber. – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1929. – 170 s.

³⁶ Friedrich P. Social Context and Semantic Feature: The Russian Pronominal Usage / P. Friedrich // Directions in Sociolinguistics: The Ethnography of Communication. – New York: Holt, Rinehart and Winston. 1972. – P. 270–300.

³⁷ Виноградов В.В. Избранные труды. О языке художественной прозы / В.В. Виноградов. – М.: Наука, 1980. – 360 с.

Г.И. Богина³⁸, А.Д. Швейцера³⁹, Ю.Н. Караулова⁴⁰, М.В. Панова⁴¹, Л.П. Крысина⁴², В.И. Карасика⁴³, Т.П. Млечко⁴⁴ и др.

В татарском языкознании отмеченный круг проблем в определенной степени находит свое отражение в исследованиях И.А. Абдуллина⁴⁵, Х.Р. Курбатова⁴⁶, И.Б. Башировой⁴⁷, М.Г. Мухамадиева⁴⁸, Ф.Ш. Нуриевой⁴⁹ и др., посвященных изучению лингвостилистических особенностей произведений представителей татарской литературы различных эпох.

Вопросы социальной маркированности языковых единиц, в частности лексико-семантических явлений, рассматривается в трудах В.В. Виногра-

³⁸ Богин Г.И. Современная лингводидактика: Учебн. пособие / Г.И. Богин. – Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1980. – 61 с.

³⁹ Швейцер А.Д. Социальная дифференциация английского языка в США / А.Д. Швейцер. – М.: Наука, 1983. – 216 с.

⁴⁰ Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – Изд. 7-е. – М.: Изд-во ЛКИ, 2010. – 264 с.

⁴¹ Панов М.В. История русского литературного произношения XVIII–XX вв. / М.В. Панов. – М.: Наука, 1990. – 453 с.

⁴² Крысин Л.П. Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета / Л.П. Крысин // Русский язык в научном освещении. – 2001. – № 1. – С. 90–106.

⁴³ Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.

⁴⁴ Млечко Т.П. Дифференциация подходов к изучению типологических разновидностей языковой личности / Т.П. Млечко // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. – 2014. – № 1. – С. 77–86.

⁴⁵ Абдуллин И.А. Г. Камал драмаларының теле / И.А. Абдуллин. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1968. – 198 б.

⁴⁶ Курбатов Х.Р. Два поэта периода демократизации литературного языка (Дэрдменд и С. Рамиев) / Х.Р. Курбатов // Анализы текстов по истории татарского литературного языка / [сост. Х.Р. Курбатов]. – Казань: ИЯЛИ, 1987. – С. 59–73; Его же. Язык произведения Саифа Сарай «Гулистан бит-тюрки» (XIV в.) / Х.Р. Курбатов // Проблемы функционирования, диалектологии и истории языка / [редкол.: М.З. Закиев (отв. ред.), Ф.Г. Гарипова (сост.)]. – Казань: Фикер, 1998. – С. 35–41.

⁴⁷ Баширова И.Б. На путях демократизации литературного языка: стилистически мотивированные и немотивированные варианты лексических единиц в контексте произведений Фатиха Амирхана / И.Б. Баширова // Анализы текстов по истории татарского литературного языка / [сост. Х.Р. Курбатов]. – Казань: ИЯЛИ, 1987. – С. 94–105; Ее же. На путях демократизации литературного языка: морфологические категории в произведениях Фатиха Амирхана / И.Б. Баширова // Истоки татарского литературного языка / [сост. Х.Р. Курбатов]. – Казань: ИЯЛИ, 1988. – С. 112–116; Ее же. Язык художественной прозы Г. Исхаки / И.Б. Баширова // Язык утилитарных и поэтических жанров памятников татарской письменности / [сост. Х.Р. Курбатов]. – Казань: ИЯЛИ, 1990. – С. 132–139.

⁴⁸ Мухамадиев М.Г. Язык прозы Ш. Камала: автореф. дис. ... канд. филол. наук. / М.Г. Мухамадиев. – Казань, 1970. – 38 с.

⁴⁹ Нуриева Ф.Ш. Исследование языка памятника XIV века «Нахдж ал-Фарадис»: дис. ... канд. филол. наук / Ф.Ш. Нуриева. – Казань, 1993. – 181 с.; Ее же. «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда ал-Булгари / Ф.Ш. Нуриева. – Казань: Фэн, 1999. – 189 с.; Ее же. Исторические и лингвистические условия формирования тюрко-татарского литературного языка золотоордынского периода / Ф.Ш. Нуриева. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2004. – 376 с.

дова⁵⁰, А.А. Уфимцевой⁵¹, В.Н. Телии⁵², Л.П. Крысина⁵³ и др. В татарском языкознании они затрагиваются в работах М.Б. Хайруллина⁵⁴, И.Б. Башировой⁵⁵, Г.Р. Галиуллиной⁵⁶, Ф.Ш. Нуриевой⁵⁷, в коллективных монографиях «Татар лексикологиясе»⁵⁸ и «Татар әдәби теле тарихы (XIII гасыр – XX йөз башы)»⁵⁹.

Объектом диссертационного исследования является функциональное состояние татарского языка во второй половине XIX – начале XX вв. **Предметом** исследования выступили социально обусловленные лингвистические структуры и элементы, имевшие место в татарском языке на указанном историческом этапе.

В качестве **цели** было определено раскрытие корреляционных отношений между имевшими место в татарском обществе во второй половине XIX – начале XX вв. социокультурными процессами и происходившими в данный период на различных уровнях татарского языка системными трансформациями. Для достижения намеченной цели были обозначены следующие **задачи**:

⁵⁰ Виноградов В.В. Основные типы лексических значений слова / В.В. Виноградов // Вопросы языкознания. – 1953. – № 5. – С. 3–29; Его же. О языке художественной литературы / В.В. Виноградов. – М.: Гослитиздат, 1959. – 656 с.

⁵¹ Уфимцева А.А. Лексическое значение (Принцип семиологического описания лексикона) / А.А. Уфимцева. – М.: Наука, 1986. – 240 с.

⁵² Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В.Н. Телия. – М.: Наука, 1986. – 143 с.

⁵³ Крысин Л.П. Социальная маркированность языковых единиц / Л.П. Крысин // Вопросы языкознания. – 2000. – № 4. – С. 26–42.

⁵⁴ Хайруллин М.Б. Проблемы развития лексической системы татарского литературного языка / М.Б. Хайруллин. – Казань: ИЯЛИ, 2000. – 202 с.

⁵⁵ Баширова И.Б. Хэзерге татар әдәби теле. Семасиология: татар лексикасында системалы бәйләнеш-мөнәсәбәтләр / И.Б. Баширова. – Казан: ТӘҺСИ, 2006. – 192 б.; Ее же. Татар әдәби теле. Семасиология / И.Б. Баширова. – Казан: ТӘҺСИ, 2010. – 532 б.

⁵⁶ Галиуллина Г.Р. Татарские личные имена в контексте лингвокультурных традиций / Г.Р. Галиуллина. – Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2008. – 352 с.

⁵⁷ Нуриева Ф.Ш. Названия пищи в тюркоязычных письменных памятниках золотоордынского периода / Ф.Ш. Нуриева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. – № 7 (49): в 2 ч. – Ч. I. – С. 143–146; Ее же. Предметно-бытовая лексика в золотоордынских литературных памятниках / Ф.Ш. Нуриева // Золотоордынская цивилизация. – 2016. – № 9. – С. 131–134; Ее же. Антропонимические модели в средневековом тюркоязычном памятнике «Нахдж ал-фарadis» Махмуда ал-Булгари / Ф.Ш. Нуриева // Проблемы общей и региональной ономастики. Материалы X Международной научной конференции, посвященной юбилею профессора Р.Ю. Намитоковой / [редкол.: гл. ред. Р.Ю. Намитокова и др.]. – Майкоп: Адыгейский гос. ун-т, 2016. – С. 165–169.

⁵⁸ Татар лексикологиясе: өч томда / [проект жит. М.З. Зәкиев; ред. Г.Р. Галиуллина]. – Казан: ТӘҺСИ, 2015. – Т. I. – 352 б.

⁵⁹ Татар әдәби теле тарихы (XIII гасыр – XX йөз башы) / И.Б. Баширова, М.З. Вәлиева, Г.Ф. Гайнуллина, Х.Х. Кузьмина; [фәнни ред. Ф.С. Баязитова]. – Казан: ТӘҺСИ, 2019. – III т.: Лексика. Лексик-семантик категорияләрнең инвариант-парадигма үзенчәлеге һәм контекстуаль-синтагматик мөмкинлекләре: язма традицияләр, норма һәм вариантлылык. Бен-рәңк кыскач. – 528 б.

1) проанализировать социальные условия развития татарского языка во второй половине XIX – начале XX вв.;

2) реконструировать функциональную парадигму татарского языка во второй половине XIX – начале XX вв.;

3) описать среды функционирования татарского языка во второй половине XIX – начале XX вв.;

4) охарактеризовать сферы употребления татарского языка во второй половине XIX – начале XX вв.;

5) определить степень соотнесенности речевой практики основных корпоративных групп татарского общества второй половины XIX – начала XX вв. с функциональными стратами татарского языка;

6) выявить коммуникативные сферы и социальные ситуации, в рамках которых осуществлялась речевая практика основных корпоративных групп татарского общества второй половины XIX – начала XX вв.;

7) изучить особенности репрезентации имевших место в татарском обществе во второй половине XIX – начале XX вв. социокультурных явлений внутри семиологических классов имен собственных, абстрактных и конкретных слов.

Научная новизна исследования определяется тем, что в нем впервые в татарском языкознании формы существования татарского языка, их функциональные разновидности исследуются в социолингвистическом аспекте; впервые в рамках определенного синхронного среза раскрываются стратификационно-ситуативные параметры социально-речевых портретов основных корпоративных групп татарского общества; впервые анализируется семантика элементов лексической системы татарского языка в контексте социокультурных процессов.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что ее автором на примере татарского языка второй половины XIX – начала XX вв. разработана и апробирована методика исследования социальной обусловленности функционального развития национальных языков в условиях отсутствия каких-либо институтов государственности и рациональной языковой политики. Кроме того, полученные результаты вносят существенный вклад в татарское языкознание в плане изучения основных форм существования татарского языка и других его функциональных разновидностей, коммуникативной деятельности представителей различных групп татарского общества и лексической системы татарского языка в социолингвистическом аспекте.

Практическая значимость исследования определяется возможностью последующего использования материалов и основных положений диссертации в работах в области социолингвистики и истории татарского литературного языка, направленных на изучение социальной природы языковых явлений. Далее они могут быть применены в процессе разработки специальных курсов и дисциплин социолингвистической направленности в высших учебных заведениях.

Теоретическую базу исследования составили научные труды ведущих зарубежных и отечественных ученых в области социолингвистики, в которых раскрывается социальная сущность функционального развития языков. В частности, при изучении сложившейся в татарском обществе во второй половине XIX – начале XX вв. языковой ситуации автор обратился к работам У. Лабова, Ч. Фергюсона, Дж.А. Фишмана, В.А. Аврорина, Л.П. Никольского, Г.В. Степанова, А.Д. Швейцера. Кроме того, в решении связанных с указанной категорией проблем мы опирались на достижения лингвистов в области теории и истории литературных языков, которые нашли свое отражение в трудах К. Брокельмана, Л.В. Щербы, В.В. Виноградова, А.Н. Кононова, Н.А. Баскакова, Г.Ф. Благовой, Э.Н. Наджиба, Э.Р. Тенишева, А.И. Горшкова, М.М. Гухман, Б.А. Успенского. Также был учтен опыт татарских языковедов Ф.С. Фасеева, В.Х. Хакова, Ф.С. Хакимзянова, Я.С. Ахметгалиевой, Х.Р. Курбатова, Ф.М. Хисамовой, И.Б. Башировой, Ф.Ш. Нуриевой, накопленный ими в ходе исследований старотатарских письменных текстов и истории татарского литературного языка. В процессе реконструкции отдельных участков сложившейся в татарском обществе в указанный период языковой ситуации, а именно связанных с диалектными идиомами, были привлечены труды Л.З. Заляя, Л.Т. Махмутовой, Н.Б. Бургановой, Д.Г. Тумашевой, Г.Х. Ахатова, Ф.Ю. Юсупова, Д.Б. Рамазановой, Ф.С. Баязитовой, Ф.С. Сафиуллиной.

Далее при изучении соотношения в структуре социально-речевого портрета татарского общества второй половины XIX – начала XX вв. стратификационной и ситуативной разновидностей языковой вариативности, идиомов татарского языка и других языков; при исследовании социальных условий реализации речевой практики той или иной корпоративной группы татарского общества указанного периода, ее соотносительности с коммуникативными сферами; при моделировании социально-речевых портретов языковых личностей, выступающих в качестве обобщенных представителей различных сообществ, мы обращались к работам Б.А. Ларина, Й.Л. Вейсгербера, П. Фридриха, В.В. Виноградова, Г.И. Богина, А.Д. Швейцера, Ю.Н. Караулова, М.В. Панова, Л.П. Крысина, В.И. Карасика, Т.П. Млечко.

И в процессе анализа особенностей репрезентации социокультурных явлений в лексико-семантической системе татарского языка второй половины XIX – начала XX вв. автор опирался на труды В.В. Виноградова, А.А. Уфимцевой, Л.П. Крысина, В.И. Карасика, И.Б. Башировой, Г.Р. Гаулиной.

Методологическая основа. Поставленная цель и обозначенные задачи обусловили применение в рамках работы целого комплекса научно-исследовательских методов. В качестве основных выступили методы социолингвистической реконструкции и социолингвистической интерпретации. Первый был применен в ходе реконструкции функциональной парадигмы татарского языка во второй половине XIX – начале XX вв., а

второй – при интерпретации извлеченных из письменных источников указанного периода экстралингвистических и лингвистических данных.

В процессе сбора эмпирического материала, в ходе его первичной обработки и анализа, а также при истолковании социальных и языковых явлений использовался описательный метод. В ходе сопоставления фактов и явлений, имевших место в различные периоды истории татарского языка, в частности письменной разновидности его литературного идиома, а также сравнительного изучения указанной функциональной страты татарского языка с ее предшественниками – классическими тюркскими письменными языками более ранних эпох был задействован сравнительно-исторический метод. При выявлении частоты использования социально маркированных слов был применен метод количественно-статистического анализа. Далее для определения семантического ресурса лексических единиц привлекался метод анализа словарных дефиниций. Кроме того, при изучении содержания лексических единиц и выделении в нем социально маркированных коннотаций был использован метод компонентного анализа, а при выявлении социокультурной и функционально-стилистической нагруженности слов, словоформ и словосочетаний, при определении их контекстуально обусловленных значений – метод контекстуального анализа.

Ввиду отсутствия, в силу объективных причин, возможности наблюдения напрямую за языковыми процессами в обозначенный период, в рамках исследования в качестве **источников** были привлечены созданные во второй половине XIX – начале XX вв. старотатарские письменные тексты, а именно произведения К. Насыри, М. Акъегета, З. Бигиева, Ф. Карима, Р. Фахретдина, Г. Исхаки, Ш. Мухамедова, К. Бикколова, Г. Ильяси, Ф. Халиди, Г. Камала и Г. Чокря. Также использовались материалы из трудов ученых, которые жили в это время и занимались изучением современного им состояния татарского языка.

Основная гипотеза заключается в том, что обеспечившие развитие татарского языка во второй половине XIX – начале XX вв. социальные механизмы нашли свое отражение во взаимодействии основных форм существования татарского языка в рамках его сред функционирования и сфер употребления, сложившихся к указанному периоду, в стратификационно-ситуативных параметрах структуры социально-речевого портрета основных корпоративных групп татарского общества второй половины XIX – начала XX вв. и в лексико-семантической системе татарского языка. При этом происходившие в нем на данном этапе позитивные трансформации стали возможными благодаря поддержке экстралингвистических факторов на лингвистическом уровне. Другими словами, язык в функциональном и структурном отношениях должен достичь того состояния эволюционной зрелости, при котором он и сам мог бы эффективно реагировать на воздействие социокультурных перемен.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. Функциональное развитие татарского языка во второй половине XIX – начале XX вв. было детерминировано экстралингвистическими

факторами, которые в этническом плане привели к началу становления татарской буржуазной нации прогрессивного толка; в социально-экономической сфере – к перестраиванию хозяйственных отношений и формированию новых социальных групп; в культурной жизни – к переосмыслению духовных ценностей, а в области языка ознаменовали переход к новой лингвистической системе.

2. Переход татарского языка на новую эволюционную ступень в обозначенный период сопровождался преобразованиями в структуре его функциональной парадигмы и перестраиванием внутренних связей между ее компонентами, которые складывались в течение многих веков под влиянием лингвистических и социокультурных традиций.

3. Полноценное функционирование татарского языка в качестве коммуникативного средства общенационального масштаба на выделенном историческом этапе наряду с традиционными средами его бытования было поддержано и на уровне новых социальных слоев, групп и институтов татарского общества.

4. Реализация в полном объеме функционального потенциала татарского языка во второй половине XIX – начале XX вв., обеспечившая его развитие и в дальнейшем, стала возможной благодаря широкому спектру коммуникативных сфер, диапазон которых в указанный период расширился еще больше в силу происходивших в обществе изменений.

5. Динамическое развитие татарского языка в рассмотренном временном интервале обеспечивалось широкой социальной базой, что нашло свое отражение в вовлеченности ресурсов его функциональных страт и их разновидностей в речевую практику всех корпоративных групп татарского общества рассматриваемого периода.

6. Коммуникативная деятельность основных корпоративных групп татарского общества второй половины XIX – начала XX вв. выступила в качестве внутреннего социального механизма, который обеспечил полноценное функционирование татарского языка в указанный период в различных коммуникативных сферах.

7. Функциональное развитие татарского языка в обозначенный период было поддержано и на уровне его лексико-семантической системы, что проявилось в обогащении словарного состава новыми элементами, в расширении значений лексических единиц всех семиологических классов и их контекстуальных связей. В свою очередь данный фактор указывает на достижения им соответствующей зрелости в эволюционном отношении и гибкости в плане репрезентации новых экономических и социокультурных реалий.

Степень достоверности и апробация результатов. Достоверность полученных в рамках исследования результатов обеспечивается соответствием примененных методов цели и задачам, привлечением большого объема эмпирического материала. В частности, в процессе количественно-статистического анализа социально маркированной лексики были обработаны электронные варианты текстов произведений писателей-

просветителей, суммарный объем которых составил более чем 100 тысяч словоупотреблений.

Основные положения и результаты диссертации изложены в 4 монографиях (39,6 п.л.) и 43 научных статьях (12,25 п.л.), 18 из которых опубликованы в изданиях, включенных в перечень Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, а также апробированы на 22 международных и всероссийских научно-практических конференциях.

Объем и структура работы. Диссертационная работа состоит из 422 страниц машинописного текста. В структурном плане она включает в себя введение, три главы, заключение и список использованной литературы. В конце даются приложения, в которых приводятся использованное в рамках диссертационного исследования соответствие знаков арабицы, кириллицы, латиницы и статистические параметры функционирования социально маркированных лексических единиц и их дериватов в текстах произведений татарских писателей-просветителей.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** мотивируется выбор темы диссертационного исследования и ее актуальность, освещается степень разработанности исследуемой проблемы, определяются объект и предмет, цели и задачи, обосновываются научная новизна, теоретическая и практическая значимость, раскрываются методологическая основа и методы исследования, указываются источники, формулируется основная гипотеза, выделяются выносимые на защиту положения, дается информация о степени достоверности и апробации полученных в рамках исследования результатов.

Первая глава диссертации **«Языковая ситуация в татарском обществе во второй половине XIX – начале XX вв.»** включает в себя пять параграфов.

В первом параграфе **«Научно-теоретические аспекты изучения вопроса и степень разработанности проблемы в татарском языкознании»** раскрываются основные проблемы теории языковой ситуации и состояние их изученности в трудах татарских лингвистов.

В современной лингвистике в основу исследований, направленных на разработку вопросов теории языковой ситуации, изначально, наряду с определением ее количественных характеристик, было положено также и изучение качественных составляющих рассматриваемой категории, а именно условий функционирования языков и субъективной позиции членов социума по отношению к ним. В дальнейшем научные изыскания в этой области были дополнены анализом социальных статусов и функционального потенциала языков и их идиом. На этой основе были установлены классификационные признаки языковых ситуаций и определены их основные типы.

По мнению В.А. Аврорина, языковая ситуация может быть изучена только путем анализа речевых актов в совокупности с обстоятельства-

ми их реализации. В то же время ученым отмечается необязательность и невозможность в практическом плане изучения всех реализованных актов речи с целью определения типа языковой ситуации. Для этого достаточно проанализировать ограниченное, но при этом непременно репрезентативное количество речевых актов⁶⁰. В качестве объектов анализа он выделяет социальные условия функционирования, сферы и среды употребления, формы существования и функции языков. Л.Б. Никольским языковая ситуация характеризуется как «совокупность языков, подязыков и функциональных стилей, обслуживающих общение в административно-территориальном объединении и этнической общности»⁶¹. При этом ученый ведет речь не о простой совокупности, а о едином целом, которое формируют находящиеся в определенных отношениях и взаимосвязях друг с другом языковые системы и подсистемы, относящиеся к различным функциональным типам. В типологическом отношении он выделяет экзогlossные и эндогlossные ситуации. В теории языковой ситуации, разработанной А.Д. Швейцером, одно из центральных мест занимает понятие «социально-коммуникативная система», которое, как считает ученый, можно приложить «как к языку в целом, так и к любой его разновидности (литературный стандарт, его вариант, социальный или территориальный диалект), используемой данным коллективом»⁶². В вопросе типологии языковых ситуаций ученый вслед за Л.Б. Никольским также выделяет их экзогlossные и эндогlossные типы.

Языковые ситуации, которые складывались в татарском обществе в различные периоды его развития, в основном рассматриваются в исследованиях по истории татарского литературного языка. Так, например, отдельные проблемы теории языковой ситуации, а именно вопросы изучения социальной детерминированности становления и развития татарского языка, соотношения письменной разновидности его литературной формы и живой народной речи, находят свое отражение в очерке Ф.С. Фасеева⁶³. Характер языковой ситуации, которая сложилась на территории Поволжья в XIII–XIV вв., раскрывается в работе Э.Р. Тенишева «О языке поэмы «Кысса-и Йусуф» Кул Гали»⁶⁴. Исторические и социальные предпосылки функционирования старотатарского литературного языка на территории Поволжья и особенности языковой ситуации эпохи Волжской

⁶⁰ Аврорин В.А. Проблемы изучения функциональной стороны языка: (К вопросу о предмете социолингвистики) / В.А. Аврорин. – Л.: Наука, 1975. – С. 115.

⁶¹ Никольский Л.Б. Синхронная социолингвистика: теория и проблемы / Л.Б. Никольский. – М.: Наука, 1976. – С. 79.

⁶² Швейцер А.Д. Социальная дифференциация английского языка в США / А.Д. Швейцер. – М.: Наука, 1983. – С. 31.

⁶³ Фасеев Ф.С. Краткий грамматический справочник татарского языка / Ф.С. Фасеев // Татарско-русский словарь / [сост. К.С. Абдразаков, Г.С. Амиров, А.Ш. Асадуллин и др.]. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – С. 809–810.

⁶⁴ Тенишев Э.Р. О языке поэмы «Кысса-и Йусуф» Кул Гали / Э.Р. Тенишев // *Turcologica* 1986. К восьмидесятилетию академика А.Н. Кононова / [отв. ред. С.Г. Кляшторный и др.]. – Л.: Наука: Ленингр. отд.-ние, 1986. – С. 268–276.

Булгарии рассматриваются и в работе М.З. Закиева, посвященной изучению языка упомянутого произведения⁶⁵. Языковые ситуации, которые складывались в татарском обществе в различные исторические эпохи, характеризуются в трудах В.Х. Хакова, посвященных изучению истории становления и развития письменных норм татарского литературного языка⁶⁶. Вопросы, касающиеся реконструкции форм существования языка и изучения их взаимодействия друг с другом и с другими языками, рассматриваются в работах Ф.С. Хакимзянова, раскрывающих языковые особенности эпиграфических памятников эпохи Волжской Булгарии⁶⁷. В исследованиях Ф.М. Хисамовой, посвященных изучению особенностей функционирования татарского языка в сфере делопроизводства, а именно в текстах деловой письменности XVI–XVIII вв., анализируется соотношение в документах традиционных черт письменного литературного языка и народно-разговорных форм. Кроме того, в общих чертах воссоздается также функциональная парадигма татарского языка и его функционально-стилистическая система в указанный период⁶⁸. Далее соотношение между старотатарским литературным языком и древнетюркским, древнеуйгурским, караханидско-уйгурским языками, диалектами болгарских, кыпчакских и огузских племен, общенародно-разговорным языком, а также социально-культурные факторы функционирования первого в различные периоды рассматриваются и в первом томе коллективной монографии «Татар әдәби теле тарихы (XIII гасыр – XX йөз башы)»⁶⁹.

В целом, как показывает анализ работ татарских ученых, в которых затрагиваются проблемы теории языковой ситуации, в них основным объектом исследования выступает литературная форма существования татарского языка, в частности особенности его употребления в сферах художественной литературы, массовой информации, отчасти науки и делопроизводства, а также исторические и культурные предпосылки становления и развития старотатарского литературного языка. При этом изучение функционирования данного идиома в различных социальных средах и таких сферах, как хозяйственная и общественно-политическая

⁶⁵ Закиев М.З. Проблемы языка и происхождения волжских татар / М.З. Закиев. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1986. – С. 108–119.

⁶⁶ Хаков В.Х. Татар әдәби теле тарихы / В.Х. Хаков. – Казан: КДУ нәшр., 1993. – 325 б.; Его же. Тел – тарих көзгесе (Татар әдәби теленәң үсеш тарихыннан) / В.Х. Хаков. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2003. – 295 б.

⁶⁷ Хакимзянов Ф.С. Язык эпитафий волжских болгар / Ф.С. Хакимзянов. – М.: Наука, 1978. – 206 с.; Его же. Эпиграфические памятники Волжской Булгарии и их язык / Ф.С. Хакимзянов. – М.: Наука, 1987. – 191 с.

⁶⁸ Хисамова Ф.М. Язык деловой письменности и его место в функциональной парадигме татарского языка XVII–XVIII веков / Ф.М. Хисамова // Старотатарский литературный язык: исследования и тексты / [сост. И.А. Абдуллин]. – Казань: ИЯЛИ, 1991. – С. 60–80; Ее же. Татарский язык в восточной дипломатии России (XVI – начало XIX вв.) / Ф.М. Хисамова. – Казань: Мастер Лайн, 1999. – 408 с.

⁶⁹ Татар әдәби теле тарихы (XIII гасыр – XX йөз башы) / И.Б. Баширова, Ф.Ш. Нуриева, Э.Х. Кадырова; [фәнни ред. Ф.М. Хисамова]. – Казан: ТӘһСИ, 2015. – I т.: Фонетика. Графика: язма традициялар, норма һәм вариантлылык. – 696 б.

деятельность, быт, организованное обучение, его соотношения в них с разговорными формами все еще остаются одной из актуальных задач современного татарского языковедения. Исходя из этого в рамках настоящего диссертационного исследования для характеристики языковой ситуации, сложившейся в татарском обществе во второй половине XIX – начале XX вв., был использован алгоритм действий, включающий в себя: 1) анализ социальных условий функционирования татарского языка в указанном синхронном срезе; 2) реконструкцию функциональной парадигмы татарского языка и определение социальных субстратов его идиомов на выделенном историческом этапе; 3) характеристику сред и сфер употребления татарского языка в рассматриваемый период.

Во втором параграфе **«Социальные условия развития языка татарского языка во второй половине XIX – начале XX вв.»** рассматриваются этнические, политические, экономические и культурные факторы, которые оказали влияние на языковые процессы в татарском обществе в указанный период.

В этническом плане вторая половина XIX – начало XX вв. учеными характеризуется как время усиления среди татар самоидентификационных настроений в плане национального самоопределения. Несмотря на дисперсный характер проживания в инокультурном окружении среди других народов Российской империи, они все больше начинают позиционировать себя как единое самостоятельное этническое сообщество. В политическом отношении татары в рассматриваемый период, несмотря на потерю основных институтов государственности, на общественных началах все же продолжали поддерживать системы религиозных (мечети) и образовательных (медресе) учреждений. Здесь своего рода проявлением духовно-культурной автономии можно считать и деятельность учрежденного в 1788 г. Оренбургского магометанского собрания.

В этот период в результате распространения новых экономических отношений начинает складываться национальный капитал, который татарскими деловыми кругами нередко инвестировался в промышленное производство, что в свою очередь привело в их среде к развитию кредитно-финансовых отношений. В условиях новой конъюнктуры развивается и транспортная инфраструктура, которой наряду с другими народами империи пользовались и татары.

Несостоятельность татарских мурз как социальной группы, способной хоть как-то повлиять на ход общественно-политических, экономических и культурных событий, а также излишний традиционализм духовенства в результате привели к усилению религиозного дискурса в общественной и культурной жизни татар. Однако повседневные контакты с представителями различных культур стимулировали татар все больше приобщаться к общероссийским социокультурным реалиям и европейским ценностям. Это в свою очередь побудило в обществе трансформации секуляризационного характера. Необходимость перемен больше всех осознавали татарские буржуа, которые, будучи элитой нации, в определенной степени

чувствовали за собой ответственность за ее будущее и впоследствии способствовали формированию благоприятной почвы для реализации указанных выше процессов. В первую очередь это проявилось в содействии развитию новой образовательной системы, которая до конца XIX в. характеризовалась своей схоластической направленностью. Центральное место в ней занимало медресе – общеобразовательное заведение среднего уровня, которое возникло в странах исламского мира еще на заре средних веков. Обучение в нем на протяжении многих лет строилось в основном на изучении мусульманского права. Со временем становилась все более ясной бесполезность получаемых в стенах медресе знаний в хозяйственной сфере. Под влиянием новых экономических условий на повестку дня был поставлен вопрос подготовки национальных кадров, освоивших более применимые в сельском хозяйстве, промышленности и торговле светские знания. В результате в конце XIX в. в различных уголках империи, в которых проживали татары, начинают открываться модернизированные учебные заведения.

Имевшие место в татарском обществе во второй половине XIX – начале XX вв. преобразования нашли свое отражение в татарской литературе, многовековые образцы и традиции которой наряду с другими факторами в историческом плане послужили делу сохранения духовно-культурной идентичности татар. Если до середины XIX в. она в основном имела религиозно-дидактическую окраску, то позднее в нее постепенно проникает мировоззренческая концепция светско-просветительского характера.

В третьем параграфе **«Функциональная парадигма татарского языка во второй половине XIX – начале XX вв.»** в социолингвистическом аспекте исследуются основные формы существования татарского языка в указанный период.

Функциональная парадигма татарского языка во второй половине XIX – начале XX вв. представляла собой сложную структуру, внутренние связи между компонентами которой сложились под влиянием как многовековых лингвистических традиций, так и различных факторов экстралингвистического характера. Однако в рассматриваемый период в системе форм существования татарского языка начались преобразования, которые привели к перестраиванию взаимосвязей между ними.

Старотатарский письменный литературный язык во второй половине XIX – начале XX вв. До начала XX в. татары в течение всей своей истории существования в высших сферах духовно-культурного бытия использовали единый письменный литературный язык. Ко второй половине XIX в. старотатарский язык представлял собой явление, в котором тесно переплетались друг с другом древне- и среднетюркские, чагатайские и османско-турецкие, арабские и персидские, а также отчасти собственно татарские формы, что в целом было обусловлено историческими, культурными и социальными предпосылками его формирования и развития.

В прошлом в исследованиях в области теории и истории литературного языка основное внимание уделялось изучению его фундаменталь-

ных свойств (нормированность, общеобязательность, функциональная разграниченность использования и т.д.). Это характерно и для исследований в области истории татарского литературного языка. Однако на сегодняшний день среди ученых закрепилось мнение, что исследование различных функциональных подсистем общенационального языка только в чисто лингвистическом аспекте не полностью раскрывает их сущность. В результате появились различные трактовки социологического характера отдельных языковых страт, в том числе и литературной. На этой основе относительно рассматриваемого периода нами были выделены следующие признаки литературного идиома татарского языка: 1) его носители в той или иной степени были представлены во всех социальных слоях и группах общества; 2) татарский язык был для них родным; 3) в основной своей массе они были выходцами из сельской местности и проживали там же; 4) большинство из них имело начальное и лишь часть – среднее образование, полученное в учебных заведениях религиозной направленности; 5) их языковая культура в целом формировалась под влиянием древне- и среднетюркских, а также старотатарских письменных литературных традиций.

Народно-разговорные (обиходно-разговорные) формы татарского языка во второй половине XIX – начале XX вв. Как показывают исследования татарских диалектологов, формирование региональных разновидностей татарского языка в их современных чертах происходило в течение XVI–XIX вв. Соответственно, можно сказать, что ко второй половине XIX – началу XX вв. они уже сложились окончательно и обрели современный облик. В этот период основной контингент их носителей представляли жители сельской местности, а именно крестьяне. Учитывая тот факт, что в рассматриваемый период они составляли более девяноста процентов от общего числа поволжско-уральских татар, социальная база этих идиомов татарского языка представляется довольно обширной. Кроме того, формирование городских общин способствовало проникновению диалектных форм в речевую практику и городских жителей.

В системе социальных диалектов татарского языка в рассматриваемый период особо выделяется социолект торговцев и приказчиков. Согласно материалам из рассмотренных нами источников речь торгового люда характеризуется употреблением таких метафорических и метонимических выражений, как: *eşne äjländerü* ‘провернуть дело’, *jafrağ astyna kerü* ‘обанкротиться; букв. зайти под лист’, *qyrşau atu* ‘обанкротиться; букв. сбросить обводку’, *qory qul qalu* ‘остаться ни с чем; букв. ‘остаться с пустой рукой’, *maldan çirtü* ‘воровать из имущества’, *malyn basu* ‘арестовать чье-либо имущество’, *söjäten üzgärtü* ‘обмен оставшегося товара на другой; букв. ‘заменить кость’ и т.д.

Также заслуживает внимания и социолект религиозных служителей, преподавателей и шакирдов, который характеризуется употреблением непонятной простому народу лексики арабского и персидского происхождения.

Начало становления общенародно-разговорной формы татарского языка ученые относят к XVI–XVII вв. – времени возникновения сельского койне. В дальнейшем с усилением урбанизационных процессов на его основе формируется и городское койне, за которым и закрепляется статус общенародно-разговорного языка. Что касается социального субстрата данной страты татарского языка, во второй половине XIX – начале XX вв. его функционирование обеспечивалось речевой деятельностью всех слоев и групп татарского общества.

Просторечная форма татарского языка во второй половине XIX – начале XX вв. Материалы письменных источников указывают на присутствие в структуре функциональной парадигмы татарского языка в рассматриваемый период и просторечной формы его существования, которая представляет собой совокупность слов, выражений и оборотов, характерных в основном для речи малообразованных слоев населения и выделяющихся из основного фонда языковых средств окрашенностью в семантическом плане сниженными, грубоватыми модальными и эмоционально-экспрессивными коннотациями. Несмотря на то что в рассматриваемый период просторечные формы в той или иной степени охватывают коммуникативные поведения всех социальных слоев и групп татарского общества, данный идиом татарского языка во второй половине XIX – начале XX вв. в основном находит свое отражение в речи маргинальных элементов общества, ведущих аморальный образ жизни, и лиц, вынужденных нищенствовать.

В четвертом параграфе «Среды бытования татарского языка во второй половине XIX – начале XX вв.» дается характеристика основным этносоциоязыковым общностям, в рамках которых татарский язык функционировал в рассматриваемый период.

Во второй половине XIX – начале XX вв. татарский язык характеризовался наличием обширной среды бытования. Его полноценное функционирование в этот период поддерживалось как на общенациональном уровне, так и на уровне всех социальных слоев, групп и институтов татарского общества. Из всех выделяемых на сегодняшний день сред бытования языка в рамках диссертационного исследования нами были рассмотрены следующие:

1. *Внутринациональная коммуникативная среда.* Во второй половине XIX – начале XX вв. в условиях дисперсного проживания татар на огромных территориях Российской империи татарский язык выступал как средство поддержания внутренних интеграционных процессов между различными этнографическими группами татарского народа. На протяжении многих веков данную функцию в основном выполняла письменная разновидность его литературного идиома. Кроме того, внутринациональная коммуникативная среда обслуживалась и общенародно-разговорным языком.

2. *Социально-групповые коммуникативные среды.* Во второй половине XIX – начале XX вв. коммуникативные среды татарских купцов, духовных служителей и крестьян обслуживались различными формами суще-

ствования татарского языка. Так, например, в своих кругах представители купечества в основном использовали общенародно-разговорный язык, духовенство больше всего тяготело к обогащенной арабскими и персидскими заимствованиями письменной разновидности литературного языка, а для речи крестьян было характерно употребление региональных разговорных форм. Однако это не означало, что им не были доступны другие идиомы татарского языка. Их использование представителями указанных социальных слоев обуславливалось факторами ситуативного характера.

3. Профессионально-производственные коммуникативные среды. Коммуникативные среды таких профессиональных слоев, как приказчики, ремесленники и кустари, хальфы и шакирды, также обслуживались различными идиомами татарского языка. Несмотря на то, что внутри этих корпоративных групп практиковались свои социолекты профессиональной направленности, их представители в своей повседневной жизни использовали и другие языковые страты. В тех случаях, когда деятельность этих лиц была локализована в определенных ареалах проживания татарского народа, это были региональные разновидности языка. В условиях работы в крупных городах, которые являлись местом соприкосновения различных диалектов и их носителей, они переключались на общенародно-разговорный код. А особенности профессиональной деятельности хальф и шакирдов, кроме того, требовали также использования письменной разновидности литературного языка.

4. Семейная коммуникативная среда. В отличие от предыдущих, в семейной среде бытования языка в зависимости от ареала проживания доминируют те или иные его региональные разновидности, а употребление общенародно-разговорной и литературной форм сводится к минимуму. Данная особенность была характерна и для татарской семьи второй половины XIX – начала XX вв.

Пятый параграф «**Сферы употребления татарского языка во второй половине XIX – начале XX вв.**» посвящен изучению особенностей функционирования татарского языка в рассматриваемый период в таких общественных сферах, как хозяйственная деятельность, общественно-политическая деятельность, быт, организованное обучение, художественная литература, наука, делопроизводство, личная переписка и религиозный культ.

Сфера хозяйственной деятельности, как правило, характеризуется доминированием диалектов, как региональных, так и социальных, за исключением тех случаев, когда традиционные формы ведения хозяйства дополняются новыми, в рамках которых диалектные формы начинают взаимодействовать с литературной или же с идиомами другого языка. Однако ввиду того, что в рассматриваемый период татарское общество в основной своей части представляло собой структуру традиционно-патриархального характера, в данной коммуникативной сфере применялись региональные и социальные разновидности татарского языка, с переменными переключениями на общенародно-разговорный код.

Сфера общественно-политической деятельности у развитых в социальном, общественном и политическом отношениях народов в преобладающем большинстве случаев обслуживается литературной стратой языка. Как показывают извлеченные из письменных источников данные, во второй половине XIX – начале XX вв. удовлетворение потребностей татарской общественности в данной коммуникативной сфере было прерогативой старотатарского письменного литературного языка.

Что касается функционирования татарского языка в рассматриваемый период *в сфере повседневного быта*, языковая ситуация здесь меняется в зависимости от социальных слоев и групп. Так, например, крестьяне ограничивались в основном диалектной формой. То же самое можно сказать и в отношении других представителей татарского общества второй половины XIX – начала XX вв., которые проживали в рамках ареала распространения той или иной региональной разновидности татарского языка. В крупных городах они заменялись общенародно-разговорной формой. А в среде интеллигенции в зависимости от факторов ситуативного характера наблюдается чередование литературного, общенародно-разговорного и диалектного кодов.

В рассматриваемый период для *сферы организованного обучения* у татар было характерно комбинированное употребление татарского, арабского и персидского языков с преобладанием последних двух. При этом их функционирование в сфере образования никак не соотносилось с его уровнями, т.е. дети после принятия в медресе сразу же погружались в иноязычную атмосферу. Переход от одного языка обучения к другому также никак не регламентировался.

Сфера художественной литературы у всех народов характеризуется употреблением литературного идиома языка. Именно в ней происходит отбор и шлифовка норм последнего. Кроме того, художественные произведения являются своего рода средством внедрения языковых норм в широкие слои общества. Тем самым в определенной степени осуществляется взаимосвязь между литературным и общенародно-разговорным языком. В этом плане не является исключением и старотатарский письменный литературный язык. Он в течение многих веков наряду с другими обслуживал у татар и сферу художественной литературы.

Для полноценного функционирования языка в *сфере делопроизводства* необходимо наличие государственных институтов и развитых социально-политических, административных, юридических и других отношений. В этом плане татарский язык представляет собой уникальное явление: несмотря на утрату его носителями своей государственности в XVI в., он, вернее письменная разновидность его литературного идиома, в течение более чем трех столетий использовался в дипломатических отношениях Российской империи с восточными странами.

В *сфере личной переписки*, в зависимости от того, кому адресуется письмо, могут быть привлечены ресурсы различных форм существования языка, что наблюдается и в рассмотренных нами источниках. Так,

например, в любовных письмах старались изъясняться посредством характерных для старотатарского письменного литературного языка образных и эмоционально-экспрессивных выражений, оборотов и конструкций. В корреспонденции же между знакомыми одного пола характерные для письменной разновидности литературного идиома языка обороты обычно опускались.

Сфера религиозной обрядности, которая отделилась от остальных еще на заре человечества, у одних народов обслуживалась посредством особых культовых языков, чаще всего неродных, у других – высшими обработанными стратами родного языка наддиалектного характера. В этом отношении татарское общество в рассматриваемый период характеризовалось доминированием в данной сфере арабского языка. Однако в отдельных случаях наряду с ним употреблялся также и старотатарский письменный литературный язык.

Вторая глава «**Стратификационно-ситуативные параметры социально-речевого портрета татарского общества второй половины XIX – начала XX вв.**» состоит из четырех параграфов.

В первом параграфе «**Научно-теоретические аспекты изучения вопроса и степень разработанности проблемы в татарском языковедении**» рассматриваются основные проблемы теории социально-речевого портрета и состояние их изученности в трудах татарских языковедов.

В современной социолингвистике исследование соотношения стратификационной и ситуативной разновидностей социально обусловленной вариативности языка, которые определяются как две основополагающие плоскости структуры его социальной дифференциации, считается одним из основных способов, позволяющих раскрыть в полной мере природу последнего.

В силу того, что стратификационная вариативность «связана с социальной структурой общества и обнаруживается в языковых различиях между представителями различных социальных слоев и социальных групп»⁷⁰, при ее изучении в качестве объекта анализа выделяется языковой коллектив, который представляет собой сообщество взаимодействующих друг с другом в социальном плане и характеризующихся наличием определенной однородности в плане используемых ими языковых ресурсов лиц. Ситуативная вариативность, которая «обуславливается выбором наиболее эффективных (с точки зрения говорящего) языковых средств, соответствующих данной ситуации общения»⁷¹, в основном проявляется в количественном и качественном аспектах. В первом случае меняется частотность тех или иных языковых единиц, во втором – участники коммуникативного акта переключаются с одного языкового кода на другой.

⁷⁰ Словарь социолингвистических терминов / [В.А. Кожемякина, Н.Г. Колесник, Т.Б. Крючкова, О.С. Парфенова, Ю.В. Трушкова при участии А.Н. Биткеевой и М.А. Горячевой]. – М., 2006. – С. 199.

⁷¹ Там же.

Особенности соотношения между двумя проявлениями социальной вариативности языка обнаруживаются во взаимодействии статуса и роли – категорий, которые представляют собой набор признаков коммуниканта, определяемых его положением в социуме (статусные) и актуализируемых в условиях отдельно взятой социальной ситуации (ролевые). При этом первые проявляют себя в рамках стратификационной вариативности, а вторые – ситуативной. Учеными для изучения закономерностей отбора средств языка в условиях различных социальных ситуаций предлагается разграничивать термины «функциональный стиль» и «контекстуальный стиль». В рамках настоящего диссертационного исследования нами была использована шкала, которая включает в себя следующие контекстуальные стили: интимный, непринужденный, доверительный, почтительный, снисходительный, высокопарный, авторитарный.

Так как языковые и речевые предпочтения социальных слоев, групп и сообществ прошлого в силу объективных причин уже не поддаются непосредственному наблюдению, а в художественных произведениях фигурируют лишь отдельно взятые персонажи, здесь перед исследователем встают вопросы, связанные с моделированием социально-речевого портрета языковой личности, являющегося «неким обобщением, абстрактным представителем языкового сообщества»⁷², и проецированием его характеристик на социальную группу, представителем которой он является. В рамках настоящего диссертационного исследования для нас особую значимость имело описание языковой личности как типового представителя языкового коллектива, и в качестве таковых нами были выделены типы татарских купцов, приказчиков, мулл, шакирдов и крестьян. Основопологающей схемой в процессе их реконструкции послужила структура рассматриваемой категории, каждый структурный уровень которой (вербально-семантический, лингво-когнитивный, мотивационный) в плане своей вербальной репрезентации характеризуется наличием набора определенных средств, в котором находит свое отражение самобытность облика языковой личности как отдельно взятого индивида, так и представителя того или иного сообщества.

По мнению ученых, языковая личность может быть рассмотрена в ценностном (аксиологическом), познавательном (когнитивном) и поведенческом планах, которые в определенной степени соотносятся с уровнями структуры языковой личности. В рамках данного диссертационного исследования приоритет был отдан аксиологическому аспекту, предполагающему учет этических и утилитарных поведенческих норм, которыми тот или иной народ характеризуется в определенные исторические периоды своего развития и которые закрепляются в его нравственном кодексе.

В этом отношении особую ценность представляют многочисленные труды татарских ученых, посвященные изучению лингвостилистических

⁷² Млечко Т.П. Дифференциация подходов к изучению типологических разновидностей языковой личности / Т.П. Млечко // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. – 2014. – № 1. – С. 78.

особенностей письменных текстов различных жанров. Они в дальнейшем могут составить основу исследований, направленных на реконструкцию социально-речевого портрета представителей старотатарской художественной интеллигенции, а также татарского социума в целом в различные исторические эпохи. В этом отношении труды татарских диалектологов, особенно исследования, выполненные в этнографическом и этнолингвистическом аспектах, могут быть использованы при моделировании социально-лингвистических портретов носителей региональных языковых кодов. Также в плане изучения особенностей вербализации духовно-культурной составляющей внутреннего мира представителей татарского народа, которое является неотъемлемой частью моделирования социально-речевого портрета определенных групп и сообществ татарского социума, большое значение имеют работы лингвокультурологической направленности.

На основе сказанного выше в рамках диссертационного исследования нами для реконструкции социально-речевого портрета татарского общества второй половины XIX – начала XX вв. был использован следующий алгоритм научно-исследовательских действий:

1) на основе анализа набора языковых единиц (лексико-семантических, грамматических) и особенностей речевого поведения представителей социальных слоев, групп и сообществ, нашедших свое отражение в текстах, в частности в диалогах, установить релевантные признаки модельных языковых личностей и соотнести их с социально-речевыми портретами основных корпоративных групп, имевших место в татарском обществе второй половины XIX – начала XX вв.;

2) определить характер и степень соотнесенности страт татарского языка в структуре социально-речевого портрета данных сообществ в рамках сопутствующих их коммуникативной деятельности социальных ситуаций.

Второй параграф **«Социально-речевой портрет купцов, торговцев и приказчиков»** посвящен изучению особенностей речевой деятельности представителей татарских деловых кругов второй половины XIX – начала XX вв.

В плане соотношения с функциональными стратами татарского языка основу социально-речевого портрета указанных лиц составляет общенародно-разговорный идиом, на который накладывается социолект, сложившийся в их среде. Данный факт объясняется, прежде всего, влиянием сопутствующих профессиональной деятельности указанных лиц факторов прагматического характера, в частности их заинтересованностью в получении прибыли, одним из основных средств достижения которой выступает общедоступное и понятное всем участникам деловой коммуникации средство общения. По причине несоответствия профессиональным интересам татарских коммерсантов, в частности из-за своей витиеватости и сложности, а также насыщенности непонятными иноязычными заимствованиями, в деловой сфере литературная страта татарского языка рассматриваемого периода опускалась. Региональный (диалектный) код

в силу определенных установок психологического и социального характера, таких как пренебрежительное отношение представителей одной этнографической группы к другим и восприятие диалектов как коммуникативных средств более низкого ранга, также отклонялся. Однако это все же полностью не исключало включенность в сферу внутригруппового общения представителей деловых кругов и региональных разновидностей татарского языка, а также просторечия. В ситуативном плане корпоративная группа коммерсантов второй половины XIX – начала XX вв. как языковой коллектив раскрывается в основном в рамках социальных контактов из сфер хозяйственной деятельности и быта.

На основе проведенного анализа нами были выделены следующие черты социально-речевого портрета представителей татарских деловых кругов второй половины XIX – начала XX вв.:

1. В процессе своей профессиональной деятельности татарские купцы, торговцы и приказчики придерживались таких морально-этических установок прагматического характера, как: «Что бы ни случилось, не поддавайся угрызениям совести» (*Juqqa ğazaplanma* ‘Не мучайся напрасно’, *Qujnalma* ‘Не изводи себя’), «Всегда думай о своей выгоде» (*Üzeñdä äcer qaldyr* ‘Оставь себе выгоду’, *Üz jağyña azraq fajda qaldyr* ‘Оставь в свою сторону немного пользы’), «Мнение окружающих не самое главное» (*Jaman atyñ ber çyğar, ike çyqmas* ‘Дурное имя выйдет один раз, два раза не выйдет’), «Не подвергай себя опасности, береженого Аллах бережет» (*Tirä-janyñny cyjybraq qaldyr* ‘Приберись вокруг себя’) и «Цель оправдывает средства» (*Täwäkkäl qylarğa kiräk* ‘Надо решиться’).

2. Тон разговора задавался следующими контекстуальными стилями:

а) в рамках сопутствующих ситуации «обсуждение дел с коллегами по цеху» речевых актов – непринужденно-доверительным (*Tizme çyğarğa nijät qylasuy?* ‘Скоро рассчитываешь выезжать?’, *Ajländererlek çamañ barmy?* ‘Есть возможность проверить?’ и т.д.);

б) в рамках сопутствующих ситуации «получение благословения духовно-религиозных лиц» речевых актов – уважительно-почтительным (*Xäjer-doğada bulyğyz inde* ‘Вы уж благословите’, *Sez täbäräklärneñ fatixasyn alsaq* ‘Если получим у вас, у почтенных, благословение’ и т.д.);

в) в рамках сопутствующих ситуациям «инструментирование наемных работников», «общение с молодыми сослуживцами» и «общение с простым людом» речевых актов – авторитарным (*Min üzem dä bik jaxşy belämen* ‘Я и сам хорошо знаю’, *Urynyña utyr* ‘Сядь на свое место’, *Xäzerläp qij* ‘Приготовь’ и т.д.).

3. Коммуникативная практика данных лиц характеризовалась набором следующих особенностей:

а) фонетической трансформацией европейских и русских заимствований на разговорный лад (*duxtyr* ‘доктор’, *biksel* ‘вексель’, *sruk* ‘срок’, *pudpis* ‘подпись’, *brimennyj* ‘временный’, *kupis* ‘купец’ и т.д.);

б) выстраиванием речевых актов в подавляющем большинстве случаев на основе грамматических форм и конструкций из общенародно-

разговорного кода, (форма намерения на *-maq(čy) bul-*, форма результативного прошедшего времени индикатива на *-ğan*, деепричастие на *-ğaç*, инфинитив на *-(y)rğa*, форма будущего неопределенного времени на *-r (-mas)* и т.д.);

в) доминированием речевых выражений и оборотов из общенародно-разговорного кода (*cajsyraq kürenä* ‘кажется не очень’, *süzlär çyğü* ‘распространение слухов’, *quldan kilgänčä* ‘по мере возможности’, *andyj-mondyj* ‘какой-нибудь’ и т.д.);

г) использованием характерных для своей среды профессионализмов (*sum siksän tijengä kalu* ‘обесценивание рубля на восемьдесят копеек’, *sumğa sum tüläü* ‘платить рубль за рубль’, *berenče xlebnyj kăcä tirese* ‘первая хлебная козья шкура’ и т.д.);

д) употреблением прецедентных текстов из религиозного дискурса (*Allağa tapşyru* ‘поручившись Аллаху’, *Inşalla* ‘Если будет угодно Аллаху’, *Xodaj quşur* ‘если Всевышний даст’ и т.д.).

В целом социально-речевой портрет представителей татарских деловых кругов второй половины XIX – начала XX вв. характеризуется доминированием в его структуре общенародно-разговорной страты татарского языка, что было обусловлено сопутствующими их хозяйственной деятельности факторами. При этом в быту в зависимости от перемен ситуативного характера они могли переключаться и на другие коды. Другими словами, данная корпоративная группа в плане соотношения ее коммуникативной деятельности с идиомами татарского языка представляла собой полигlossный языковой коллектив.

В третьем параграфе «**Социально-речевой портрет мулл, мугаллимов и шакирдов**» рассматриваются особенности речевой деятельности представителей татарского духовенства, преподавателей и учащихся медресе второй половины XIX – начала XX вв.

Социально-речевой портрет указанных лиц в плане корреляции с функциональными стратами татарского языка соотносится со всеми его идиомами. При этом они от остальной части татарского общества отличались своим полилингвизмом: служители культа в основной своей массе в совершенстве владели арабским и персидским языками, а также в силу своих должностных обязанностей – отчасти и русским. Ситуативные параметры социально-речевого портрета рассматриваемой корпоративной группы раскрываются в основном в рамках ситуаций, связанных со сферами религиозной обрядности, организованного обучения и быта. В историческом плане религиозные ритуалы у татар в основном обслуживались арабским языком, который был недоступен основной части общества. Однако проповедническая деятельность в силу ее направленности широким слоям населения требовала использования более доступного и понятного коммуникативного средства, а именно родного языка. Но при этом статус религиозных деятелей как бы исключал возможность их обращения к прихожанам на разговорных формах, тем более на просторечии. Соответственно для насаждения среди народа духовно-религиозных норм и

ценностей привлекался литературный идиом, в частности его письменная разновидность. В сфере организованного обучения социально-речевой портрет рассматриваемой корпоративной группы раскрывается в рамках коммуникативных актов, связанных с ситуацией «на уроке». В татарских медресе второй половины XIX – начала XX вв. научно-образовательные и воспитательные задачи на занятиях решались посредством комбинированного использования татарского, арабского и персидского языков. В определенных случаях в стенах медресе татарский язык в коммуникативной среде представителей рассматриваемой корпоративной группы полностью заменялся арабским языком. В сфере быта, где не требуется соблюдение поведенческих норм внутрикорпоративного этикета, представители духовенства переключались на разговорные коды, как на общенародный, так и на регионально окрашенные.

На основе проведенного анализа нами были выделены следующие черты социально-речевого портрета татарских духовных сановников, преподавателей и учащихся медресе второй половины XIX – начала XX вв.:

1. В процессе своей профессиональной деятельности муллы, мугалимы и шакирды в основном руководствовались установкой «Во всем полагайся на Аллаха» (*Allahy sezgä wä bezgä kürkäm xolyq, hidajät birsen* ‘Пусть Аллах вам и нам даст красивый нрав, желание вступить на истинный путь’ и т.д.).

2. Тон разговорам задавался следующими контекстуальными стилями:

а) в рамках сопутствующих ситуациям «проведение религиозного церемониала» и «произнесение перед прихожанами проповеди» речевых актов – наставительно-назидательным (*Dindä qarendäslärmez* ‘В религии мы братья’, *Qurqaqlyq mäzmüm, nadanlyq, jälqaulıyq xäram* ‘Трусость – порицаема, невежество, лень – греховны’ и т.д.);

б) в рамках сопутствующих ситуациям «общение с высокопоставленными и старшими коллегами по цеху» и «общение с сильными мира сего» речевых актов – уважительно-почтительным (*Zinhar täqsyjr, ğafu itä kür* ‘Пожалуйста, таксир, прости’ и т.д.);

в) в рамках сопутствующих ситуациям «общение с шакирдами» и «общение с простым людом» речевых актов – высокопарным (*Aslan rizalyğym juq* ‘У меня нет никакого согласия’, *Min bik jaxşy belämen* ‘Я очень хорошо знаю’, *Ägär bäddoğa qylsam, xarab bulaçaqlar* ‘Если прокляну, погибнут’ и т.д.).

3. Коммуникативная практика данных лиц характеризовалась набором следующих особенностей:

а) фонетической трансформацией европейских и русских заимствований на разговорный лад (*praşenije* ‘прошение’ и т.д.);

б) выстраиванием речевых актов в подавляющем большинстве случаев на основе грамматических форм и конструкций из письменной разновидности литературного идиома татарского языка, а также из арабского и персидского языков (аффиксы принадлежности первого лица множественного числа *-(y)muз* и второго лица множественного числа *-(y)ñuz*, формы

посессивного падежного склонения *-(y)nu* и принадлежности первого лица множественного числа *-(y)muз*, аффикс первого лица множественного числа *-muз*, форма императива второго лица множественного числа *-(y)ñuz*, личное местоимение третьего лица множественного числа *anlar* ‘они’, заимствования *möfräd* ‘один’, *möräkkäb* ‘составной’, *xärfe täğrif* ‘определенный артикль’, *ğyjme nafiğ* ‘полезное знание’ и т.д.);

в) доминированием речевых выражений и оборотов из письменной разновидности литературного идиома татарского языка, а также из арабского и персидского языков (*möemin möselman bulğan keşe* ‘человек, который является правоверным мусульманином’, *xaqlyğy, ğyjlem estäüne, täğawyn, tänasyrny, sädaqat wä tuğrylyqny bojyru ilä* ‘своей истинностью, тем, что призывает к постижению знания, взаимовыручке, защите друг друга, верности и преданности’ и т.д.);

г) использованием характерных для своей среды профессионализмов (*fiqhe* ‘мусульманское право’, *Hidajä* ‘комментарии к средневековому трактату по мусульманскому праву’, *Faraiz* ‘средневековая книга по наследственному праву’ и т.д.);

д) употреблением прецедентных текстов из религиозного дискурса, в том числе и иноязычного происхождения (*Allahy Täğälä xäzrätläre* ‘господин Аллах Всевышний’, *Käläm Šärif* ‘Священное Слово’ и т.д.).

В целом в структуре социально-речевого портрета татарских духовных сановников, преподавателей и учащихся медресе второй половины XIX – начала XX вв. в различной степени были представлены все страты татарского языка. В профессиональной сфере их коммуникативная деятельность в основном строилась на основе литературного идиома, в частности его письменной разновидности, а также арабского и персидского языков. В быту же они переключались на разговорные формы. Другими словами, в языковом отношении данная корпоративная группа представляла собой полиглотский и многоязычный коллектив.

В четвертом параграфе «**Социально-речевой портрет крестьян и простых горожан**» анализируются особенности речевой деятельности татарских крестьян и простых горожан второй половины XIX – начала XX вв.

Социально-речевой портрет этих лиц в плане соотношения с функциональными стратами татарского языка в основном характеризуется переменными чередованиями общенародно-разговорного кода с его региональными разновидностями. В крупных промышленных и экономических центрах, которые в этноязыковом плане представляли собой места смешения различных этнографических групп татарского народа, в речи данных представителей татарского социума в рамках внутригрупповой коммуникации в большинстве случаев все же преобладал общенародно-разговорный язык, который в отдельных случаях осложнялся диалектными и просторечными вкраплениями. В уездных городах, расположенных непосредственно в ареалах распространения определенного диалекта, а также в сельской местности предпочтение отдавалось региональным

разговорным формам татарского языка. Следует отметить, что и в этом случае речи крестьян и простых горожан не были чужды просторечные формы и выражения. Что касается ситуативных параметров социально-речевого портрета указанных лиц, они выявляются в рамках речевых актов, соотносенных с ситуациями из сфер хозяйственной деятельности и быта.

На основе проведенного анализа можно выделить следующие черты социально-речевого портрета татарских крестьян и простых горожан второй половины XIX – начала XX вв.:

1. В процессе своей хозяйственной деятельности они в основном руководствовались установкой «Во всем полагайся на Аллаха, но и сам не оплошай» (*Äüwäl Allahyğa, ikençe siña tapşyramyn* ‘Сначала Аллаху, после тебе поручаю’ и т.д.).

2. Тон разговорам задавался следующими контекстуальными стилями:

а) в рамках сопутствующих ситуации «общение с сильными мира сего» речевых актов – уважительно-почтительным (*Cirebezne ala kür* ‘Только возьми нашу землю’, *Sxodta qyjnata kürmä* ‘Только не допусти, чтобы побили на сходе’ и т.д.);

б) в рамках сопутствующих ситуации «общение с бедными соплеменниками» речевых актов – авторитарным (*Bu waqytka qadär nişläp tüläweñezne salmadyñyz?* ‘Почему до этого времени не заплатили свои платежи?’, *Kübdän kilüb mindän uraq alub qjargä kiräk ide* ‘Давно пора было уже прийти и взять у меня жатву’ и т.д.).

3. Коммуникативная практика указанных лиц характеризовалась набором следующих особенностей:

а) фонетической трансформацией европейских и русских заимствований на разговорный лад (*yxud* ‘сход’, *yxud öje* ‘сходный дом’ и т.д.);

б) выстраиванием речевых актов в подавляющем большинстве случаев на основе грамматических форм и конструкций из общенародно-разговорного кода (*Tiz ker* ‘Быстро зайди’, *Tazartasy bar* ‘Нужно почистить’, *Alyp qajtasy bar* ‘Нужно принести’ и т.д.);

в) доминированием речевых выражений и оборотов из общенародно-разговорного кода, а в отдельных случаях и просторечных (*Anyñ närsäse bar?* ‘Что у него есть?’, *Öje juq, jorty juq* ‘Дома нет, хозяйства нет’, *Öjdän öjgä aşap jöri* ‘Ходит и ест из дома в дом’ и т.д.);

г) употреблением прецедентных текстов из религиозного дискурса (*Ilahem, ja Rabbem* ‘Мой Аллах, о мой Раббе’ и т.д.).

В целом татарские крестьяне и простые горожане второй половины XIX – начала XX вв. в плане соотношения их социально-речевого портрета с языковыми стратами и социальными ситуациями представляли собой однотипный языковой коллектив. В своей коммуникативной деятельности они ориентировались на разговорные формы татарского языка.

Третья глава «Социально маркированные лексические единицы в татарском языке во второй половине XIX – начале XX вв.» включает в себя четыре параграфа.

В первом параграфе **«Научно-теоретические аспекты изучения вопроса и степень разработанности проблемы в татарском языкознании»** освещаются вопросы социальной маркированности языковых единиц и состояния изученности лексики старотатарских письменных источников в указанном аспекте.

В языкознании в качестве социально маркированных языковых единиц выделяются те, которые «приобретают функции социальных символов – маркеров принадлежности говорящего к той или иной социальной среде»⁷³. Некоторые данного рода элементы, характерные для речи татарских купцов, торговцев, приказчиков, мулл, мугаллимов и шакирдов второй половины XIX – начала XX вв., были рассмотрены нами в предыдущей главе. Кроме того, в рамках нашего диссертационного исследования неоспоримую актуальность приобретает исследование в указанном аспекте и текстов сочинений писателей-просветителей – представителей так называемых прогрессивных кругов татарского социума рассматриваемого периода, деятельность которых оставила свой след и на общезыковом уровне. Тот факт, что их произведения были адресованы широкому кругу читателей, на первый взгляд, не позволяет рассматривать структурные элементы этих письменных источников в качестве социально маркированных единиц. Однако здесь не следует забывать о том, что определенная часть общеупотребительных на сегодняшний день слов, грамматических форм и конструкций нашла свое первичное применение и активизировалась, а также наполнилась новыми смыслами именно в литературных сочинениях писателей-просветителей, т.е. их социальная маркированность проявляется во взаимосвязи с рассматриваемым историческим периодом и деятельностью указанной прослойки татарского общества второй половины XIX – начала XX вв.

На сегодняшний день в распоряжении лингвистов, занимающихся вопросами изучения старотатарских письменных источников, в частности их лексики, имеется обширный фактический материал и научно-теоретическая литература. Как показывает анализ предыдущих работ, в преобладающем большинстве случаев их авторами ставится цель определения степени соотносительности обнаруженных в текстах лексических единиц с нормами и традициями письменных литературных языков древнетюркской и среднетюркской эпох, а также современного татарского языка. Кроме того, имеются исследования, направленные на установление взаимосвязей между употребленными в тех или иных источниках словами и диалектами татарского языка. При этом изучению степени реализации семантического потенциала и специфики функционирования лексем в тех или иных контекстуальных рамках предшествует их тематическая классификация. Так, например, в составленном группой ученых ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова третьем томе научно-исследовательского проекта

⁷³ Крысин Л.П. Социальная маркированность языковых единиц / Л.П. Крысин // Вопросы языкознания. – 2000. – № 4. – С. 26.

«Татар әдәби теле тарихы»⁷⁴, основной целью которого явилось изучение лексико-семантических норм старотатарского письменного литературного языка в их историческом развитии, словарный состав старотатарских письменных текстов был проанализирован в рамках семиологических классов имен собственных, абстрактных и конкретных имен нарицательных, внутри которых были выделены такие тематические группы, как «Божественное лицо», «Человек», «Общество», «Человек и Вселенная» и «Природа». Данный подход был применен и в рамках настоящей диссертационной работы.

Так как изменения социокультурного характера обуславливают активизацию употребления в различных коммуникативных средах выступавших ранее спорадически лексических единиц в новых для них значениях, в ходе исследования основное внимание уделялось семантической и функциональной сторонам бытования лексических единиц в рамках просветительского дискурса. При этом рассматривались также стилистические особенности функционирования слов в текстах. Кроме того, в социолингвистическом аспекте были проанализированы и новые элементы, которые проникли в лексическую систему татарского языка в указанный период.

Во втором параграфе «**Социально маркированные абстрактные слова**» исследуется социальная маркированность лексем из указанного семиологического класса.

Лексика тематической группы «Человек». Переход на новые парадигмы развития в общественной и культурной жизни прежде всего нашел свое отражение в расширении семантики абстрактных лексических единиц, посредством которых вербализуются понятия и категории духовной составляющей человеческого бытия. В историческом плане в лексической системе татарского языка эту нишу традиционно занимали слова, заимствованные из арабского и персидского языков.

В изученных нами текстах первую группу социально маркированных абстрактных слов рассматриваемой тематической группы составляют лексемы, обозначающие такие две фундаментальные категории человеческого бытия, как жизнь и смерть. В системе духовных ценностей ислама – религии, которую традиционно исповедует основная часть татарского народа, жизнь воспринимается как ценный и священный божественный дар: люди и другие живые существа приобретают его благодаря воле Всевышнего. В источниках второй половины XIX – начала XX вв. в семантике этих лексических единиц на первый план начинают выхо-

⁷⁴ Татар әдәби теле тарихы (XIII гасыр – XX йөз башы) / И.Б. Бәширова, М.З. Вәлиева, Г.Ф. Гайнуллина, Х.Х. Кузьмина; [фәнни ред. Ф.С. Баязитова]. – Казан: ТӘҺСИ, 2019. – III т.: Лексика. Лексик-семантик категорияларнең инвариант-парадигма үзгәргәнчә һәм контекстуаль-синтагматик мөмкинлекләре: ызма традицияләр, норма һәм вариантлылык. Беренче китеп. – 528 б.; Татар әдәби теле тарихы (XIII гасыр – XX йөз башы) / И.Б. Бәширова, М.З. Вәлиева, Р.Ф. Мирхәев; [фәнни ред. Ф.С. Баязитова]. – Казан: ТӘҺСИ, 2020. – III т.: Лексика. Лексик-семантик категорияларнең инвариант-парадигма үзгәргәнчә һәм контекстуаль-синтагматик мөмкинлекләре: ызма традицияләр, норма һәм вариантлылык. Икенче китеп. – 588 б.

доть коннотации светского характера, отражающие практические стороны человеческого бытия, что можно наблюдать на примере лексем *mäğyjšät* ‘жизнь, быт, повседневное существование’ и *ğomer* ‘жизнь’.

Следующую группу социально маркированных абстрактных лексических единиц рассматриваемой тематической группы составляют слова, выражающие категории из сферы внутреннего мира человека, эмоциональной и интеллектуальной сторон его природы. Как показывают эмпирические данные, в рамках просветительского дискурса они начинают употребляться в новых контекстах и осложняться дополнительными коннотациями общественного и социального характера. В качестве таковых нами были выделены следующие: *märxämät* ‘милосердие, сострадание’ (*millätä märxämät* ‘сострадание нации’), *mäxäbbät* ‘любовь’ (*däres mäxäbbäte* ‘любовь к уроку’, *ğyjem mäxäbbäte* ‘любовь к знанию’), *därd* ‘страдание, мучение, душевная боль; горе’ (*ber milläteñ därde* ‘страдание одной нации’), *qajğy* ‘горе, печаль, скорбь’ (*böten millät ičün oluğ ber qajğy* ‘большое горе для всей нации’) и т.д.

Лексика тематической группы «Общество». Далее в группе социально маркированных абстрактных слов в рассмотренных нами текстах выступают лексические единицы, репрезентирующие общественные, социальные, экономические и культурные стороны человеческого бытия. В татарском языке они также представлены арабскими и персидскими заимствованиями. И в этом ряду своей активностью выделяется лексема *mädänijät* ‘культура, цивилизация’, в семантику которой сопутствующие смыслы закладываются изначально, и в рассмотренных нами текстах в силу имевших место в татарском обществе во второй половине XIX – начале XX вв. общественных и культурных перемен они начинают проявляться все интенсивнее. Далее начатые в эпоху просветительства дискуссии о будущем татарского общества, о дальнейших путях его развития, отразились и в употреблении лексем *cämğyjät* ‘общество’ и *cämäğät* ‘общество, народ, община, прихожане’.

Как уже было сказано, в истории татарского народа рассматриваемый период характеризуется как время становления единой нации, что в свою очередь привело к активизации в национальной коммуникативной среде слова *millät* ‘нация’, выступившего в рамках просветительского дискурса в качестве основного репрезентационного средства указанной категории. Имевшие место в истории татар во второй половине XIX – начале XX вв. события нашли свое отражение также в употреблении лексемы *xalyq* ‘народ’, которая в составе таких словосочетаний, как *härber mädäni xalyq* ‘каждый цивилизованный народ’ и *bezem qara xalyq* ‘наш черный народ’, начала использоваться для обозначения двух социально значимых противоположных понятий и тем самым выполнять функции средства достижения публицистической экспрессивности.

Ориентированная на прогрессивные научные достижения новая парадигма социальных, экономических и культурных отношений активизировала в национальной коммуникативной среде и лексемы, посредством

которых репрезентируются относящиеся к интеллектуальной сфере явления, понятия и категории, а именно слова *ğyjlem* ‘наука, знание’, *fän* ‘наука, дисциплина, предмет’, *mäğarif* ‘просвещение, образование’, *mäğrifät* ‘образование, просвещение; просветительство’. Кроме того, в рассматриваемый период в силу происходивших в общественной и культурной жизни татар перемен в лексическую систему татарского языка проникает неологизм *matbuğat* ‘печать, пресса’. Далее, осложняясь социальными коннотациями, в новых контекстах начинают выступать и традиционные для старотатарского письменного литературного языка слова *hönär* ‘ремесло, профессия’ *käseb* ‘труд, дело; промысел’ и их дериваты *hönärkär* ‘искусный в ремеслах’, *hönärçän* ‘искусный в ремеслах’, *käsebkar* ‘искусный в ремеслах’.

Употребляясь в составе таких словосочетаний, как *säüdä xezmätläre* ‘торговые дела’, *igen xezmäte* ‘труд хлеборобства’, обозначающих традиционные промыслы татарского народа, социальные коннотации приобретает лексема *hezmet* ‘труд’. Социально маркированным является и употребление данной лексемы в сочетании с неологизмом западноевропейского происхождения *fabrika* ‘фабрика’. Кроме того, сопутствующими просветительскому дискурсу смыслами она осложняется в составе конструкций *millätä xezmät itü* ‘служить нации’, *xalyqğa xezmät itmäk* ‘служить народу’ и *däülätkä xezmät itmäk* ‘служить государству’.

Запущенные в татарском обществе во второй половине XIX – начале XX вв. секуляризационные процессы привели к активизации в национальной коммуникативной среде понятий и из области судебного права, не связанных с нормами мусульманского шариата. Вследствие этого традиционные для старотатарского письменного литературного языка арабские заимствования *xökem* ‘суд’ и *mäxkämä* ‘суд’, помимо обозначения суда, совершаемого главой религиозной общины, начинают употребляться и для вербализации процесса, реализуемого соответствующим институтом светского гражданского общества.

Цели, которые новое время поставило перед татарским обществом в области просвещения и реформирования различных сфер жизнедеятельности, требовали финансового и материального обеспечения их реализации. В результате были переосмыслены такие понятия, как ‘богатство’ и ‘состояние’. Как показывает анализ словоупотреблений лексемы *bajlyq* ‘богатство, состояние’, а также ее синонима *däülätkä* ‘богатство, состояние’, посредством которых в процессе речевой деятельности представителей татарского общества вербализуются данные категории, в рамках просветительского дискурса они начали восприниматься как основы процветания и благосостояния нации, а не только отдельного индивида.

Лексика тематической группы «Окружающий мир». Социальная маркированность относящихся к данному разряду абстрактных слов в основном проявляется в их использовании в качестве средств достижения публицистической экспрессивности. Так, например, лексема *ğäläm* ‘мир, вселенная’ в составе словосочетаний *säfahat (bozyqlyq) ğäläme*

‘мир разврата’, *nadanlyq ğaläme* ‘мир невежества’ и конструкции *tigänlär; säneçkelär; tirän çoqyr wä bazlar; här törle usal jyrtyçlar ilä ixata idelmeş ber ğaläm* ‘мир, огражденный репейниками, шипами, глубокими рвами и ямами, разного рода свирепыми хищниками’ используются для порицания таких пороков общества, как разврат, невежество, насилие и жестокость, которых раньше старались не замечать. В целях создания эффекта публицистической направленности в текстах используются и единицы измерения времени, а именно лексемы *jyl* ‘год’, *sänä* ‘год’, *ġasyr* ‘век, столетие’. В частности, на их основе создаются такие гиперболические конструкции, как *beñ jyllar kiçde* ‘прошли тысячи лет’, *niçä wä niçä sänälärdän birü* ‘в течение стольких лет’, *niçä ġasyrlardan birü* ‘в течение стольких веков’, посредством которых раскрываются масштабы негативного воздействия отрицательных общественных явлений.

В третьем параграфе «**Социально маркированные конкретные слова**» анализируется социальная маркированность лексем из указанного семиологического класса.

Лексика тематической группы «Человек». Затронувшие татарское общество перемены второй половины XIX – начала XX вв. привели к переосмыслению роли и места человека в нем. Если до этого в национальном духовно-культурном пространстве он был представлен как сотворенное Всевышним существо, наделенное им всем необходимым для жизни в этом мире, то в рассматриваемый период человек все больше начинает интерпретироваться в качестве способного создавать духовные, культурные, материальные ценности и вследствие этого обладающего правом пользования всеми благами и достижениями цивилизации общественного индивида. Все это в свою очередь нашло свое отражение в семантике лексических единиц, выступающих в качестве средств его вербализации, а именно слов *keşe (maldar keşe* ‘состоятельный человек’, *jaxşy дәүләtle keşe* ‘человек с хорошим состоянием’), *adäm (ictihadly wä xezmät sävän adäm* ‘усердный и трудолюбивый человек’, *kände millätene çuq sävän adäm* ‘человек, который очень любит свою нацию’, *universitetda xätme köteb qylmyş adäm* ‘человек, получивший образование в университете’), *insan (ġalim insan* ‘ученый человек’, *ġyjem wä uqymaq sävgän insan* ‘человек, любящий знание и учебу’, *millätpärwär insan* ‘человек, который является искренним патриотом своей нации’), *zat (mäġlümäte mäġişijä täxsil idän zat* ‘человек, освоивший жизненные знания’), *kemsä (ticarät wä xezmät idän kemsä* ‘некто, который торгует и работает’, *islam fälsäfäse wä serlärene añlab beläçäk kemsä* ‘некто, который осознанно постигнет философию и тайны ислама’), *kemsänä (eş totar kemsänä* ‘некто, который имеет дело’, *nöfüzle kemsänä* ‘влиятельный человек’).

Новое время наполнило новыми смыслами и наименования традиционных для татарского общества профессий. Так, например, слово *möğallim* ‘учитель’ начало обозначать не только учителя, преподающего в медресе религиозные науки, но и одного из представителей сформировавшейся в рассматриваемый период светской интеллигенции.

А лексема *tabib* ‘врач, доктор’, которая до этого традиционно функционировала в значении ‘целитель’, начинает выступать и в качестве наименования специалиста по медицине с высшим образованием. Далее в текстах рассматриваемый ряд лексических единиц расширяется за счет заимствований западноевропейского и русского происхождения (*advokat* ‘адвокат’, *prokuror* ‘прокурор’, *sudebnyj sledovatel* ‘судебный следователь’, *sledovatel* ‘следователь’, *syščik* ‘сыщик’). Социальная маркированность последних проявляется в контексте интеграционных процессов татарского социума рассматриваемого периода в общероссийское правовое пространство.

В рамках просветительского дискурса коннотациями социального характера осложняются и лексемы, посредством которых обозначаются представители различных полов (*mäğarifpärwär jegetlär* ‘радеющие за просвещение молодые люди’, *tärbijäle ir* ‘благовоспитанный мужчина’, *ğaqylly, täqwä, dindar, cäsür, märxämätle ber xatyn* ‘умная, благочестивая, набожная, храбрая, отважная, милосердная женщина’). Далее в текстах рассматриваемый ряд социально маркированных лексических единиц с конкретными значениями расширяется за счет лексем *xanym* ‘дама, госпожа, ханум’, *tutaş* ‘барышня, девушка, мадемуазель’, *saxibä* ‘хозяйка’, *möslimä* ‘мусульманка’, *mäğşuqa* ‘возлюбленная’, посредством которых раскрываются социальные и интимные стороны жизни татарских женщин.

Общественные и культурные преобразования второй половины XIX – начала XX вв. наложили свой отпечаток и на семантику слов *ata* ‘отец’ и *ana* ‘мать’ (*kiläçäk könneñ atalary* ‘отцы будущих дней’, *atalary ulğan cämğyät* ‘общество, где есть отцы’, *millät analary* ‘матери нации’ и *millät anasy* ‘мать нации’).

В рассматриваемый период в повседневный быт татар все больше начинают проникать атрибуты городского образа жизни. В результате коннотациями социального характера осложнились лексические единицы, вербализующие жилищные постройки и другие здания. Так, например, семантика слов *iv* ‘дом’, *jort* ‘дом’ расширилась за счет семы ‘арендованное жильё’, что наиболее ярко проявляется при их употреблении в одном контексте с заимствованием западноевропейского происхождения *kvartir* ‘квартира’. Другими словами, возведенная человеком для индивидуального проживания постройка в процессе его хозяйственной деятельности, основанной на взаимодействии с другими индивидами общества, превращается в средство получения прибыли.

Затронувшие различные стороны жизни татарского общества преобразования привели к изменениям и в обустройстве внутреннего жилищного пространства. В рассматриваемый период под влиянием так называемой европеизации в домах татар начали появляться столы, стулья, шкафы, комоды, диваны, кресла и другая утварь, чем и обусловлена социальная маркированность зарегистрированных в текстах лексических единиц *säğat* ‘часы’, *lampa* ‘лампа’, *östäl* ‘стол’, *stul* ‘стул’, *krisla* ‘кресло’, *divan* ‘диван’, *kravat* ‘кровать’, *közge* ‘зеркало’, *sofra* ‘стол’.

В условиях сложившейся во второй половине XIX – начале XX вв. новой общественной, культурной и экономической конъюнктуры среди татар усилились процессы самоидентификации себя как отдельного, единого и самодостаточного этнического сообщества, характеризующегося, как и у других народов мира, наличием собственных обычаев и традиций, способствовавших в течение многих веков сохранению его национальной идентичности. В свете сказанного выше социально маркированным является и употребление в текстах наименований предметов кухонной утвари, посредством которых в рамках просветительского дискурса раскрывается самобытность татарского народа, в частности лексических единиц *samavar* ‘самовар’, *čašqa* ‘чашка’, *kasä* ‘чашка’. А лексемы *bardağ* ‘стакан’, *podnos* ‘поднос’, *pučağ* ‘нож’, *sänečke* ‘вилка’, как и наименования мебели, выступают в качестве средств репрезентации элементов европейской жизни. Далее содержанием этнолингвистического характера, отражающим самобытность татарского народа, осложняются наименования напитков и блюд национальной кухни (*čaj* ‘чай’, *qumyz* ‘кумыс’, *qojmaq* ‘оладья’, *pärämäç* ‘перемяч’, *qamyr* ‘тесто’, *qatlama* ‘слоеная лепешка (из пресного теста)’, *qoş dele* ‘хворост’, *şurba* ‘суп’, *pylau* ‘плов’), а также элементов одежды (*çitek* ‘ичиги’, *käweş* (*käfeş*) ‘кавуши’, *taqja* ‘такия’, *qalpaq* ‘калфак’, *büreк* ‘шапка’, *jauluq* ‘платок’, *şäl* ‘шаль’, *şarf* ‘шарф’). В данном контексте соответствующими смыслами наполняются и лексические единицы, обозначающие традиционные средства передвижения татар, а именно лексемы *arba* ‘телега’, *čana* ‘сани’. Далее в рассматриваемом лексическом ряду социально маркированными являются слова *koljaska* ‘коляска’ и *araba* ‘экипаж’, репрезентирующие проявления так называемой европеизации, а также лексемы *taqym* ‘состав’, *pojyzd* ‘поезд’, *mašina* ‘машина’, *vagon* ‘вагон’, *paraxud* ‘пароход’, ознаменовавшие наступление эры промышленной революции.

Лексика тематической группы «Общество». Как уже было сказано, во второй половине XIX – начале XX вв. татары, как и остальная часть населения Российской империи, в основной своей массе представляли собой сельскую нацию. Этим и обусловлено активное функционирование в текстах вербализующих деревню лексических единиц, в частности лексем *awyl* и *qarjā*. В рамках просветительского дискурса они также начинают выступать как средства репрезентации одной из составляющих самобытности татарского народа, в частности татарской деревни (*tatar awyly* ‘татарская деревня’).

Далее в рассматриваемый период в жизни татар все большее значение начинают приобретать города, выступавшие в качестве административных, промышленных, торговых и культурных центров. Вследствие этого в национальной коммуникативной среде активизируется слово *šähär* ‘город’ и такие наименования объектов городской инфраструктуры, как лексемы *čajxanä* ‘чайная’ в значении ‘ресторан’, *mösařirxanä* ‘гостиница’, *gastinsa* ‘гостиница’, *xarčevnja* ‘харчевня’, *nomerlär* ‘номера’, *pastajalyj dvor* ‘постоялый двор’.

С появлением прессы в национальную коммуникативную среду татар проникают наименования периодических изданий, в частности газеты, основной функцией которой являлось освещение текущих событий из различных сфер жизнедеятельности общества. В текстах в качестве средств репрезентации данного печатного органа были зафиксированы арабское заимствование *cäridä* ‘газета’ и его синоним западноевропейского происхождения *gazeta* ‘газета’.

Лексика тематической группы «Природа». Социальная маркированность лексических единиц данного разряда в основном проявляется в их употреблении в качестве средств достижения публицистической экспрессивности. Так, например, в текстах посредством наименований природных явлений, а именно лексем *buran* ‘метель’, *qar* ‘снег’, *jağmur* ‘дождь’, *suuq* ‘холод’, репрезентируются тяготы жизни обездоленных мира сего. Далее слово *därja* ‘море’ привлекается для раскрытия масштабов такого негативного социального явления, как невежество (*därjaji cähalätdän* ‘море невежества’; *därjaje nadanijätdä* ‘море невежества’). А лексема *ağaç* ‘дерево’ соответствующие смыслы приобретает, употребляясь с лексемой арабского происхождения *ictihad* ‘иджитхад’, которая в рамках просветительского дискурса начала использоваться для обозначения деятельности человека, направленной на постижение светских наук и достижений прогрессивной мировой культуры.

В четвертом параграфе «**Социально маркированные имена собственные**» рассматривается социальная маркированность лексем из указанного семиологического класса.

Происходившие в татарском обществе во второй половине XIX – начале XX вв. социокультурные преобразования нашли свое отражение и в национальном ономастиконе – антропонимах, топонимах (хоронимах, ойконимах, гидронимах, оронимах) и наименованиях выпускавшихся в этот период печатных изданий.

Антропонимы. В рассмотренных нами письменных источниках первую группу социально маркированных антропонимов составляют имена известных личностей. В историческом плане в татарском национальном антропонимике в силу влияния восточных традиций преобладали заимствованные из арабского и персидского языков антропонимы. Во второй половине XIX – начале XX вв. в рамках просветительского дискурса на имена восточных мыслителей и литераторов были возложены новые социокультурные функции. В частности, они стали выдвигаться в качестве символов великого и славного прошлого народов Востока и ставиться в один ряд с известными представителями западной и российской культур. В результате имена восточных классиков осложняются дополнительными коннотациями социального характера, указывающими на их роль и место в истории человеческой цивилизации. На этом фоне социально детерминированным является также выдвигание в один ряд с именами знаменитых личностей мужского пола и имен известных женщин, так как данная тенденция в определенной степени выступает в качестве инди-

катора проникших в патриархальное татарское общество феминистских настроений. Социальная маркированность имен известных людей накладывает свой отпечаток и на стилистические средства, в состав которых они входят (*xörmätle anamyz xäzräti Xädiçä kebi* ‘как наша уважаемая матушка святая Хадича’, *bu qarjajä kürä Damustin ulub* ‘будучи Демосфеном в масштабах этого села’, *Napoleon ğaskärendän zijadä* ‘больше, чем войско Наполеона’, *Darvin majmunlary* ‘обезьяны Дарвина’, *Ibn Räsïd, Ibn Xaldun, Sibujä, Xälil, Möbid wä ğajrelär* ‘Ибн Рашид, Ибн Халдун, Сибуйа, Халиль, Мубид и остальные’, гипербола *Roçıldlär bajlyqy moqawämät idä almaz* ‘не смогут сравниться с богатством Ротшильдов’).

Хоронимы. Социальная маркированность данных лексических единиц проявляется в первую очередь в плане репрезентации экономических и культурных связей между различными странами, областями и районами. После принятия ислама татарский народ традиционно поддерживал отношения со странами мусульманского Востока, которые во второй половине XIX – начале XX вв. стали еще интенсивнее. Здесь отдельно следует отметить хороним *Törkijä* ‘Турция’. В рассматриваемый период в татарском обществе усиливаются тенденции сближения в духовно-культурном плане с Османской империей, правитель которой – султан – воспринимался главой и защитником мусульман всего мира. Следствием этого явилось осложнение семантики указанного названия сопутствующими коннотациями.

Во второй половине XIX – начале XX вв. татары все больше начинают воспринимать себя как неотъемлемую часть общероссийского общественно-политического и социально-экономического пространства, что нашло свое отражение в активизации в национальном топонимиконе хоронима *Rusja* ‘Россия’. Далее социально маркированными являются и названия дальневосточных и западных стран (*Qytaj* ‘Китай’, *Japon* ‘Япония’, *Qorä* ‘Корея’, *Italija* ‘Италия’, *Švetsija* ‘Швеция’), которые до рассматриваемого периода в татарском языке выступали лишь фрагментарно и то в качестве каких-то загадочных стран, которые находятся где-то на краю земли. Распространение просветительских идей привело к усилению интереса и к ним, а также расширению знаний о них. В результате они престоли быть сказочными заморскими странами и начали восприниматься как реально существующие политические образования, опирающиеся на определенные административные системы и структуры.

Ойконимы. В рамках просветительского дискурса в плане репрезентации различных сфер бытия татарского народа, основная масса которого во второй половине XIX – начале XX вв. все еще проживала в сельской местности, социальными коннотациями осложняются названия городов. Так, например, в рассматриваемый период ойконим *Qazan* ‘Казань’ начинает выступать как наименование центра средоточия нации. В условиях сложившейся конъюнктуры роль города в общественной, экономической и духовно-культурной жизни татар усилилась еще больше, вследствие чего семантика ойконима обогатилась новыми смыслами.

Во второй половине XIX – начале XX вв. в духовно-культурной и экономической жизни татар определенную нишу начинают занимать и столицы Российского государства – города Москва и Санкт-Петербург, что в свою очередь также обусловило осложнение семантики ойконимов *Moskva* ‘Москва’ и *Peterburg* ‘Петербург’ соответствующими коннотациями. В глазах представителей татарского общества, в частности его торговых и образованных кругов, они, символизируя величие империи, выступали в качестве экономических и культурных центров общероссийского и мирового масштаба. Далее социально маркированным является употребление в текстах ойконимов *Ufa* ‘Уфа’, *Nišnij Novgorod* ‘Нижний Новгород’, *Sember* ‘Симбирск’, *Samar* ‘Самара’ и названий столиц европейских стран (*Pariž* ‘Париж’, *London* ‘Лондон’, *Berlin* ‘Берлин’).

Гидронимы и оронимы. В свете происходивших во второй половине XIX – начале XX вв. событий татарские литераторы в части художественного отражения явлений действительности перешли к их репрезентации в действительных тонах. Для этого были задействованы все ресурсы татарского языка, в том числе и названия природных объектов. Так, например, названия расположенных в границах исторических ареалов обитания татар водных источников, в частности такие гидронимы, как *Idel // Itil* ‘Волга’, *Qazan jylğasy* ‘река Казанка’, *Aq Idel (Itil)* ‘Белая’, *Qaban küle* ‘озеро Кабан’, *Bolaq* ‘Булак’, в социокультурном плане начинают функционировать как наименования неотъемлемых объектов жизненного пространства татарского народа, вследствие чего осложняются сопутствующими коннотациями. Зарегистрированные нами в текстах оронимы (*Piränä dağlary* ‘Пиренейские горы’, *Kafkas tağlary* ‘Кавказские горы’) приобретают социальные смыслы в силу их использования в качестве средств достижения публицистической экспрессивности и научной объективности, являющихся неотъемлемыми составляющими просветительского дискурса.

В **заключении** обобщаются результаты исследования и указываются пути их дальнейшего использования.

Функциональное развитие татарского языка во второй половине XIX – начале XX вв. было вызвано прежде всего социокультурными факторами, а именно происходившими в татарском обществе переменами общественного, экономического и культурного характера. Но они не имели бы существенного влияния, если бы не вызвали ответную реакцию на языковом уровне. По нашему мнению, к указанному периоду татарский язык достиг того эволюционного уровня, который позволил ему эффективно реагировать на новые экстралингвистические реалии.

Сложившаяся в татарском обществе ко второй половине XIX – началу XX вв. языковая ситуация характеризуется дополнением эндогlossных отношений экзогlossными, которые проявились в соприкосновении татарского языка с арабским и персидским языками в таких сферах, как организованное обучение, художественная литература, наука, религиозный культ, и ограничили рамки корпоративной группы духовенства, мугаллимов, шакирдов. Мы считаем, что именно вследствие ограниченности

социальной и коммуникативной баз экзогlossных отношений многовековое иноязычное воздействие на функциональное развитие татарского языка оказалось не столь существенным, хотя в определенной степени оно в виде заимствований все же имело место в становлении его лексической системы и грамматической структуры. В отличие от экзогlossных, эндогlossные отношения, которые нашли свое отражение во взаимодействии литературной и разговорных страт татарского языка, в рассматриваемый период охватывают все коммуникативные сферы и слои общества.

Во второй половине XIX – начале XX вв. вследствие трансформации татар из феодально-патриархальной народности в прогрессивную буржуазную нацию расширились границы сред бытования татарского языка и он начинает функционировать в качестве коммуникативного средства общенационального масштаба, способного удовлетворять потребности всего общества не только внутри традиционной деревенской среды обитания, но и в новых городских условиях. В свою очередь это задавало тон указанным выше внутриязыковым процессам, так как взаимодействие различных страт татарского языка более интенсивный характер приобрело именно в административных, промышленных, торговых и культурных центрах. Детерминировавшая функциональное развитие татарского языка интенсификация лингвистических контактов между основными формами существования татарского языка, а также расширение границ сред бытования и сфер функционирования языковых структур в первую очередь были связаны с коммуникативной деятельностью представителей основных корпоративных групп татарского общества рассматриваемого периода, в частности купцов, торговцев и приказчиков, религиозных служителей, мугаллимов и шакирдов, а также крестьян и простых горожан.

Влияние социокультурных факторов на функциональное развитие татарского языка во второй половине XIX – начале XX вв. стало возможным лишь благодаря тому, что оно было поддержано на внутриязыковом уровне. Об этом свидетельствует факт отражения в полном объеме происходивших в татарском обществе в указанный период новых явлений в рамках всех семиологических классов лексико-семантической системы татарского языка и их тематических групп. Лингвистическая репрезентация общественных, экономических и культурных изменений происходила посредством осложнения семантики лексических единиц соответствующими коннотациями, активизации лексем определенных категорий, в частности вербализующих социально значимые понятия и категории, и заимствования из других языков новых слов.

Таким образом, проведенное диссертационное исследование в полной мере подтвердило выдвинутую в его рамках научную гипотезу о дуалистичном характере языковой эволюции, который проявляется в корреляционных отношениях между социокультурными и лингвистическими факторами. Полученные результаты дают возможность взглянуть с другого ракурса на социолингвистические процессы и доказать,

что в определенных случаях языковой ренессанс возможен и в условиях отсутствия государственных институтов. Далее выстроенная и апробированная автором методика анализа социальной обусловленности функционального развития татарского языка в указанный период применима и в отношении других временных отрезков его истории. Кроме того, полученные в ходе исследования результаты, которые вносят существенный вклад в татарское языкознание в плане изучения в социолингвистическом аспекте основных форм существования татарского языка и их разновидностей, коммуникативной деятельности представителей различных групп татарского общества, в условиях современных реалий могут быть использованы в процессе выработки мер поддержки функциональной мощности подверженных негативным воздействиям глобализационных и иных процессов национальных языков.

**Основные положения диссертации отражены
в следующих публикациях:**

Монографии:

1. Мирхаев Р.Ф. Огузо-турецкий компонент татарского литературного языка (конец XIX – начало XX веков) / Р.Ф. Мирхаев. – Казань: Минитипография ИПИ АН РТ, 2007. – 208 с.

2. Мирхаев Р.Ф. Татарская религиозно-языковая картина мира: эволюция культурных и духовно-ценностных ориентиров / Р.Ф. Мирхаев, И.Г. Гумеров. – Казань: ИЯЛИ, 2017. – 120 с.

3. Татар әдәби теле тарихы (XIII гасыр – XX йөз башы) / И.Б. Бәширова, Ф.Ш. Нуриева, Э.Х. Кадыйрова, Р.Ф. Мирхәев; фәнни ред. Ф.М. Хисамова. – Казан: ТӘҺСИ, 2017. – II т.: Морфология. Грамматик категорияләренң структур-субстанциональ үзенчәлеге һәм функциональ-стилистик мөмкинлекләре: язма традицияләр, норма һәм вариантлылык. – 888 б. (Раздел «Затланышысыз фигыль формалары»). С. 706–827).

4. Татар әдәби теле тарихы (XIII гасыр – XX йөз башы) / И.Б. Бәширова, М.З. Вәлиева, Р.Ф. Мирхәев; фәнни ред. Ф.С. Баязитова. – Казан: ТӘҺСИ, 2020. – III т.: Лексика. Лексик-семантик категорияләренң инвариант-парадигма үзенчәлеге һәм контекстуаль-синтагматик мөмкинлекләре: язма традицияләр, норма һәм вариантлылык. Икенче кис. – 588 б. (Глава «XIX гасыр – XX гасыр башы татар проза әсәрләрендә лексик-семантик категорияләренң инвариант-парадигма үзенчәлеге һәм контекстуаль-синтагматик мөмкинлеге»). С. 379–562).

***Статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых
научных журналах, входящих в перечень ВАК при Министерстве
науки и высшего образования Российской Федерации:***

5. Мирхаев Р.Ф. Система форм существования татарского языка в конце XIX – начале XX вв. / Р.Ф. Мирхаев, И.Г. Гумеров // Филология и культура. Philology and culture. – 2015. – № 1 (39). – С. 49–53.

6. Мирхаев Р.Ф. К вопросу изучения языка старотатарских письменных текстов / М.З. Валиева, Р.Ф. Мирхаев // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2016. – № 4 (73). – С. 125–128.

7. Мирхаев Р.Ф. Старотатарский литературный язык в конце XIX – начале XX веков: функционально-стилистические особенности употребления деепричастия на -ып (-ур) / Р.Ф. Мирхаев, Б.К. Миннуллин // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2016. – № 11 (65): в 3 ч. – Ч. 2. – С. 118–120.

8. Мирхаев Р.Ф. Языковая ситуация в татарском обществе конца XIX – начала XX века / Р.Ф. Мирхаев // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2016. – № 12 (66): в 4 ч. – Ч. 3. – С. 141–143.

9. Мирхаев Р.Ф. История литературного языка: к постановке проблемы / Р.Ф. Мирхаев, Э.Ф. Сафина // Гуманитарные науки и образование. – 2017. – № 4 (32) (октябрь – декабрь). – С. 153–159.

10. Мирхаев Р.Ф. Роль ислама в формировании и развитии духовно-религиозного мировоззрения татарского народа / Р.Ф. Мирхаев, И.Г. Гумеров // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2017. – № 1 (67): в 2 ч. – Ч. 1. – С. 38–40.

11. Мирхаев Р.Ф. Старотатарский литературный язык и социальная структура татарского общества в конце XIX – начале XX вв. / Р.Ф. Мирхаев // Гуманитарные науки и образование. – 2017. – № 1 (29) (январь – март). – С. 127–130.

12. Мирхаев Р.Ф. Семантико-стилистические особенности наименований одежды и украшений в татарском литературном языке конца XIX – начала XX веков / Р.Ф. Мирхаев, К.М. Миннуллин, И.Г. Закирова // Казанская наука. – 2020. – № 12. – С. 177–179.

13. Мирхаев Р.Ф. Социальная основа татарского литературного языка конца XIX – начала XX вв. / Р.Ф. Мирхаев // Казанская наука. – 2020. – № 10. – С. 140–142.

14. Мирхаев Р.Ф. Социологический подход в изучении истории татарского литературного языка: систематический обзор / Р.Ф. Мирхаев // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2020. – Т. 13. – Вып. 11. – С. 105–108.

15. Мирхаев Р.Ф. Имя действия в татарском литературном языке конца XIX – начала XX века: функционально-стилистический анализ / Р.Ф. Мирхаев, И.Б. Баширова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2021. – Т. 14. – Вып. 1. – С. 44–48.

16. Мирхаев Р.Ф. Язык татарской просветительской прозы: особенности стилистического употребления антропонимов / Р.Ф. Мирхаев // Казанская наука. – 2021. – № 9. – С. 123–125.

17. Мирхаев Р.Ф. К проблеме изучения функциональной парадигмы татарского языка в диахроническом аспекте / Р.Ф. Мирхаев // Казанская наука. – 2022. – № 1. – С. 135–137.

18. Мирхаев Р.Ф. Социальная маркированность конкретных слов в татарском языке конца XIX – начала XX в. (тематическая группа «Человек»)

/ Р.Ф. Мирхаев // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2022. – № 6. – С. 1893–1897.

19. Мирхаев Р.Ф. Социально маркированные абстрактные слова в татарском языке конца XIX – начала XX в. (тематическая группа «Общество») / Р.Ф. Мирхаев // Modern Humanities Success / Успехи гуманитарных наук. – 2022. – № 6. – С. 196–200.

20. Мирхаев Р.Ф. Социально-речевой портрет татарских крестьян конца XIX – начала XX в. / Р.Ф. Мирхаев // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2022. – Т. 15. – Вып. 5. – С. 1449–1453.

21. Мирхаев Р.Ф. Социально-речевой портрет татарского духовенства конца XIX – начала XX вв. / Р.Ф. Мирхаев // Modern Humanities Success / Успехи гуманитарных наук. – 2022. – № 5. – С. 125–130.

22. Мирхаев Р.Ф. Социально-речевой портрет татарского купечества конца XIX – начала XX в. / Р.Ф. Мирхаев // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2022. – Т. 15. – Вып. 3. – С. 852–856.

Статьи, опубликованные в иных научных изданиях:

23. Мирхаев Р.Ф. Путевые заметки З. Бигиева «Путешествие в Транс-Оксанию» / Р.Ф. Мирхаев // Тюркоязычная книга: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной истории тюркоязычной книги (Казань, 17–18 октября 2012 г.) / [сост.: Ф.Х. Миннуллина, Л.Ш. Бадертдинова]. – Казань, 2012. – С. 291–296.

24. Мирхаев Р.Ф. Соотношение традиционно-письменных и народно-разговорных форм в языке романа М. Акъегета «Хисаметдин менла» (на примере причастий) / Р.Ф. Мирхаев // Гуманитарные науки: поиски и достижения: Материалы итоговой конференции – 2012 / [под ред. Л.Ш. Бадертдиновой, Э.Р. Каюмовой, Ф.К. Сагдеевой (науч. ред.)]. – Казань: ИЯЛИ, 2013. – С. 93–99.

25. Мирхаев Р.Ф. К вопросу исследования языка татарской просветительской прозы конца XIX – начала XX вв. / Р.Ф. Мирхаев // Литература и художественная культура тюркских народов в контексте Восток – Запад: сборник материалов Международной научно-практической конференции (13–15 мая 2014 г.) [сост.: Л.И. Мингазова]. – Казань: Отечество, 2014. – С. 342–346.

26. Мирхаев Р.Ф. К вопросу о социальной и функционально-стилистической дифференциации старотатарского письменно-литературного языка конца XIX – начала XX вв. / Р.Ф. Мирхаев, И.Б. Баширова // Сохранение и развитие родных языков в условиях многонационального государства: проблемы и перспективы: материалы V Международной научно-практической конференции (Казань, 19–22 ноября 2014 г.) / [отв. ред.: Р.С. Нурмухаметова]. – Казань: Отечество, 2014. – С. 190–192.

27. Мирхаев Р.Ф. К проблеме реконструкции функциональной парадигмы татарского языка конца XIX – начала XX вв. / Р.Ф. Мирхаев // Со-

временная тюркология: язык, литература, история и культура тюркских народов: Материалы VII Международной тюркологической конференции (Россия, Республика Татарстан, г. Елабуга, 7 февраля 2014 г.) [редкол.: Е.Е. Мерзон и др.]. – Елабуга: Изд-во Елабужского института КФУ, 2014. – С. 70–72.

28. Мирхаев Р.Ф. О некоторых особенностях функционального и структурного развития татарского языка в конце XIX – начале XX вв. / Р.Ф. Мирхаев // Урал-Алтай: через века в будущее: Материалы VI Всероссийской тюркологической конференции (с международным участием) [сост.: Н.В. Ахмадиева]. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2014. – С. 66–67.

29. Мирхаев Р.Ф. Особенности языка татарской просветительской прозы конца XIX – начала XX веков: форма настоящего времени на -maqda / Р.Ф. Мирхаев // «Түркі дүниеси: рухани мұра және бүгінгі мәдениет» атты халықаралық ғылыми-теориялық симпозиум материалдары. 30 қазан 2014 жыл. – Астана: Л.Н. Гумилев атындағы ЕҰУ, 2014. – С. 129–132.

30. Мирхаев Р.Ф. Соотношение художественно-повествовательного и публицистического начал в татарской просветительской прозе конца XIX – начала XX вв. / Р.Ф. Мирхаев // Международная научно-практическая конференция, посвященная 100-летию со дня рождения народного писателя Мордовии К.Г. Абрамова, 18–19 нояб. 2014 г.: [материалы] / [редкол.: Е.А. Жиндеева (отв. ред.) и др.]. – Саранск, 2014. – С. 188–191.

31. Мирхәев Р.Ф. Муса Акъегетнең «Хисаметдин менла» эсәрендә матур әдәбият һәм публицистик катламнар нисбәте / Р.Ф. Мирхәев // Фәнни Татарстан. – 2015. – № 1. – Б. 28–32.

32. Мирхәев Р.Ф. Татар язучы тарихыннан / Р.Ф. Мирхәев // Фәнни Татарстан. – 2015. – № 4. – Б. 25–30.

33. Мирхәев Р.Ф. Г. Тукай эсәрләренә теле хакында / Р.Ф. Мирхәев // Фәнни Татарстан. – 2016. – № 2. – Б. 9–13.

34. Мирхаев Р.Ф. Духовные ценности и религиозные верования татарского народа: история изучения вопроса / Р.Ф. Мирхаев, И.Г. Гумеров // Литература и художественная культура тюркских народов в контексте Восток – Запад: материалы международной научно-практической конференции (Казань, 17–18 ноября 2016 г.) / [под ред. А.М. Закирзянова]. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2016. – С. 202–204.

35. Мирхаев Р.Ф. Из опыта изучения языковой картины мира древних тюрков / Р.Ф. Мирхаев // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России. XVI Всероссийская конференция (с международным участием): Материалы XVI Всероссийской конференции / [отв. ред.: Ф.Г. Хисамитдинова]. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2016. – С. 179–181.

36. Мирхаев Р.Ф. К проблеме изучения религиозной лексики на материале старотатарских письменных текстов / Р.Ф. Мирхаев // Филология в полиэтнической и межконфессиональной среде: состояние и перспективы. Сборник научных статей. – Выпуск 6 / [отв. ред.: Т.А. Шайхуллин, Р.Р. Закиров]. – Казань: РИИ, 2016. – С. 311–316.

37. Мирхаев Р.Ф. Религиозно-языковая картина мира татарского народа: особенности вербализации концепта «Человек» / Р.Ф. Мирхаев // Сохранение и развитие родных языков в условиях многонационального государства: проблемы и перспективы: материалы Международной научно-практической конференции (Казань, 19–21 октября 2017 г.) / [науч. ред.: Р.Р. Замалетдинов]. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2017. – С. 192–194.

38. Мирхаев Р.Ф. XIX гасыр ахыры – XX гасыр башы татар мәгъри-фәтчелек прозасы әсәрләре телендә госманлы төрек берәмлекләренә кулланьлышына карата / Р.Ф. Мирхаев // Традиционная культура тюркских народов в изменяющемся мире: материалы I Международной научной конференции (12–15 апреля 2017 г.) / [сост.: Г.К. Мансурова]. – Казань: Ак Буре, 2017. – С. 332–335.

39. Мирхаев Р.Ф. XIX гасыр ахыры – XX гасыр башы татар мәгъри-фәтчелек прозасы әсәрләре телендә хәл фигыль формалары / Р.Ф. Мирхаев // Фәнни Татарстан. – 2017. – № 1. – Б. 27–37.

40. Мирхаев Р.Ф. Язык произведений старотатарской литературы: к вопросу изучения религиозной лексики / Р.Ф. Мирхаев, И.Г. Гумеров // Восток – Запад: литература и художественная культура: сборник материалов Международной научно-практической конференции (Казань, 19–21 октября 2017 г.) / [отв. ред.: Л.И. Мингазова]. – Казань: Отечество, 2017. – С. 145–148.

41. Мирхаев Р.Ф. Концепт «Жизнь» в татарской религиозно-языковой картине мира / Р.Ф. Мирхаев // Сохранение и развитие родных языков в условиях многонационального государства: проблемы и перспективы: материалы Международного научно-практического форума / [науч. ред.: Р.Р. Замалетдинов]. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2018. – С. 108–110.

42. Мирхаев Р.Ф. О лингвокультурологическом аспекте изучения лексики старотатарских письменных текстов / Р.Ф. Мирхаев // Тюркский мир и исламская цивилизация: проблемы языка, литературы, истории и религии: IX Международная тюркологическая конференция (Россия, Республика Татарстан, г. Елабуга, 13–14 апреля 2018 г.) / [отв. ред.: Р.Б. Камаева]. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2018. – С. 27–30.

43. Мирхаев Р.Ф. Татар халкының дини күзаллаулар системасында кеше образы һәм аның телдә чагылышы / Р.Ф. Мирхаев // Фәнни Татарстан. – 2018. – № 3. – Б. 28–31.

44. Мирхаев Р.Ф. К вопросу изучения лексической структуры произведений татарской просветительской прозы конца XIX – начала XX вв. / Р.Ф. Мирхаев // Тюркское языкознание XXI века: лексикология и лексикография: материалы международной конференции, посвященной 80-летию создания Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. 10–11 сентября 2019 года / [сост.: Э.И. Сафина]. – Казань: ИЯЛИ, 2019. – С. 129–131.

45. Мирхаев Р.Ф. Лексическая структура романа М. Акъегета «Хисаметдин менла»: парадигматический и синтагматический аспекты /

Р.Ф. Мирхаев // Филология и филологическое образование в поликультурном пространстве России XXI века [Электронный ресурс]: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции с элементами научной школы для молодых ученых «55-е Евсевьевские чтения», 14–15 марта 2019 г. / [редкол.: Л.П. Водясова (отв. ред.) и др.]; Мордов. гос. пед. ин-т. – Саранск, 2019. – С. 125–129.

46. Мирхәев Р.Ф. XIX гасыр ахыры – XX гасыр башы татар мәгъри-фәтчелек прозасы әсәрләрендә дини лексиканың кулланылыш үзенчә-лекләре / Р.Ф. Мирхәев // Фәнни Татарстан. – 2020. – № 1. – Б. 11–20.

47. Мирхәев Р.Ф. XIX гасыр ахыры – XX гасыр башы татар мәгъри-фәтчелек прозасы әсәрләрендә сыйфат фигыльләренң стилистик кулланы-лышы / Р.Ф. Мирхәев // Фәнни Татарстан. – 2021. – № 2. – Б. 15–21.

Мирхаев Рифат Фирдинатович

**СОЦИАЛЬНАЯ ПРИРОДА
ФУНКЦИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ**

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук

Подписано в печать 30.06.2022
Формат 60×84 1/16. Гарнитура Times New Roman.
Усл. п.л. 2,8. Тираж 120 экз. Заказ